

ЗАМОК В ТУМАНЕ

18+

Юай Чоксахват

Замок в тумане

<https://litres.ru/73998833>

SelfPub; 2026

Аннотация

Деловые письма, странные сны и поездка в чужую землю складываются в цепочку, которую нельзя оборвать одним решением. Замок, тишина и вежливость скрывают угрозу, не называемую вслух сразу.

Потом — город, болезнь, ночные следы и союз людей, которым приходится верить в невозможное, чтобы защитить тех, кто ещё не знает опасности.

«Замок в тумане» — готический роман о страхе, власти и сопротивлении тому, что приходит из темноты.

Юай Чоксахват

Замок в тумане

Замок в тумане

Yuai Choksahwat

Серия «Книга времени»

Автор:

(Имя автора скрыто по соображениям безопасности)

МОСКВА

Издательство "Глобус"

Издатели

Авторское право, 2024 год, Российская Федерация.

[Все права защищены.]

НАПЕЧАТАНО В РОССИИ

в типографии "Красный Пролетарий", Москва

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОЕМУ УВАЖАЕМОМУ НАСТАВНИКУ

АЛЕКСЕЮ ПЕТРОВИЧУ

Содержание

ГЛАВА I. Дневник Ивана Круглова

ГЛАВА II. Дневник Ивана Круглова

ГЛАВА III. Дневник Ивана Круглова

ГЛАВА IV. Дневник Ивана Круглова

ГЛАВА V. Переписка – Светланы и Анны

ГЛАВА VI. Дневник Анны Морозовой

ГЛАВА VII. Газетная вырезка из "Вечерней Москвы", 12

июля

ГЛАВА VIII. Дневник Анны Морозовой

ГЛАВА IX. Дневник Анны Морозовой

ГЛАВА X. Дневник Анны Морозовой

ГЛАВА XI. Дневник Светланы Беловой

ГЛАВА XII. Дневник доктора Павлова

ГЛАВА XIII. Дневник доктора Павлова

ГЛАВА XIV. Дневник Анны Кругловой

ГЛАВА XV. Дневник доктора Павлова

ГЛАВА XVI. Дневник доктора Павлова

ГЛАВА XVII. Дневник доктора Павлова

ГЛАВА XVIII. Дневник доктора Павлова

ГЛАВА XIX. Дневник Ивана Круглова

ГЛАВА XX. Дневник Ивана Круглова

ГЛАВА XXI. Дневник доктора Павлова

ГЛАВА XXII. Дневник Ивана Круглова

ГЛАВА XXIII. Дневник доктора Павлова

ГЛАВА XXIV. Аудиозапись доктора Павлова, расшифро-

ванная профессором Волковым

ГЛАВА XXV. Дневник доктора Павлова

ГЛАВА XXVI. Дневник доктора Павлова

ГЛАВА XXVII. Дневник Анны Кругловой

Последовательность событий станет ясна по мере чтения.

Убраны несущественные детали, чтобы история, кажущаяся

невероятной в наше время, предстала как документальный факт. Здесь нет домыслов о прошлом, где память могла бы подвести. Все записи сделаны современниками, с их точки зрения и в рамках их понимания.

ГЛАВА I

ДНЕВНИК ИВАНА КРУГЛОВА

(Записи велись в Telegram.)

3 мая. Брянск. – Выехал из Москвы в 20:35 первого мая, прибыл в Смоленск рано утром следующего дня. По расписанию должен был прибыть в 5:46, но поезд задержался почти на два часа. Смоленск показался мне интересным городом, судя по тому, что я успел увидеть из окна вагона и во время короткой прогулки по привокзальной площади. Опасался уходить далеко от вокзала, так как поезд прибыл с опозданием, и нужно было успеть на пересадку. У меня возникло ощущение, что я покидаю привычную Россию и погружаюсь в какую-то другую реальность. Самый западный из мостов через Днепр, который здесь выглядит внушительно, перенес меня в мир, где еще живы отголоски старых времен.

Мы выехали из Москвы почти по расписанию и уже после заката добрались до Владимира. Там я решил заночевать в гостинице "Золотое Кольцо". На ужин, точнее, на поздний перекус, мне принесли курицу, приготовленную с добавлением копченой паприки – очень вкусно, но вызывало сильную жажду. (Записать, узнать рецепт для Светы.) Я спросил официанта, как называется это блюдо, и он ответил, что

это "курица по-владимирски", и что это местная гордость, ее можно попробовать почти в каждом ресторане области. Мои обрывочные знания кулинарии тут оказались очень кстати; не знаю, как бы я без них обошелся.

По возвращении в Москву я зашел в Российскую Государственную Библиотеку и просмотрел книги и карты, касающиеся Владимирской области. Мне показалось, что некоторое предварительное знание местности не помешает при общении с местным бизнесменом. Я выяснил, что район, который он назвал, находится на северо-востоке области, почти на границе с Ивановской и Ярославской областями, в самом сердце Мещеры; это одна из самых глухих и малоизученных частей региона. Мне не удалось найти ни одной карты или работы, дающей точное местоположение усадьбы Волкова, поскольку карт этой местности, сравнимых с современными, пока не существует. Но я обнаружил, что Гороховец, ближайший город, названный Волковым, является довольно известным местом. Я внесу сюда некоторые из своих заметок, так как они могут освежить мою память, когда я буду обсуждать свои дела со Светой.

Во Владимирской области проживают разные народы: русские, конечно, и немного татар на юге, а также потомки финно-угорских племен – меря и мурома – на севере и востоке. Я еду к потомкам меря, которые, по легендам, были искусными колдунами и знахарями. Это вполне может быть правдой, поскольку, когда славяне пришли в эти земли, они

обнаружили здесь множество языческих святилищ и капищ. Я читал, что все известные суеверия и предрассудки собраны в этом регионе, словно это центр некоего мистического водоворота. Если это так, мое пребывание здесь может быть очень интересным. (Не забыть, я должен расспросить Волкова обо всем этом.)

Ночь выдалась кошмарной, хотя матрас в гостевом домике был вполне приличным. Какие-то обрывки сновидений преследовали меня, не давая толком выспаться. Под окном всю ночь надрывно лаяла чья-то собака, возможно, это как-то повлияло на мое состояние; а может, дело в аджике, от которой я потом выпил весь графин воды и все равно мучился от жажды. Под утро все-таки провалился в сон, но разбудил настойчивый стук в дверь. Видимо, спал я крепко. На завтрак снова была аджика и какая-то каша из кукурузной крупы, которую тут называют "полента", и баклажаны, фаршированные бараниной – очень вкусное блюдо, называется "имам баялды". (Запомнить, узнать рецепт!) Пришлось наспеш завтракать, потому что "Стриж" отправлялся около восьми, точнее, должен был. Примчавшись на Курский вокзал к половине восьмого, я проторчал в вагоне больше часа, прежде чем мы тронулись. Мне кажется, чем дальше от Москвы, тем меньше внимания обращают на расписание. Интересно, как с этим в Монголии?

Весь день мы тащились по живописной местности. То и дело попадались небольшие городки или крепости на верши-

нах холмов, словно сошедшие со страниц исторических романов; иногда проезжали мимо рек и ручьев, которые, судя по широким каменистым берегам, часто выходят из берегов. Чтобы так расчистить берег, нужна большая вода и сильное течение. На каждой станции стояли группы людей, иногда целые толпы, одетые кто во что горазд. Некоторые напоминали дачников из Подмосковья или тех, кого я видел в Европе – в коротких куртках, кепках и джинсах; но другие выглядели весьма экзотично. Местные женщины казались симпатичными, если не присматриваться слишком внимательно, но у них были какие-то странные фигуры. У всех были пышные белые рукава, а у многих – широкие пояса с множеством ленточек, развевающихся, как пачки балерин, только под ними еще юбки. Самыми колоритными были буряты – более дикие, чем остальные, в широкополых шляпах, огромных мешковатых штанах грязновато-белого цвета, белых льняных рубахах и широченных кожаных ремнях, почти в тридцать сантиметров, усыпанных медными бляшками. На ногах – высокие сапоги, заправленные в них штаны, длинные черные волосы и густые черные усы. Очень живописные, но не внушают доверия. На сцене их сразу можно представить в роли какой-нибудь банды степных разбойников. Хотя, как мне сказали, они вполне безобидные и им просто не хватает уверенности в себе.

Уже смеркалось, когда мы въехали в Златоград, старинный городок с богатой историей. Расположенный почти на

самой границе – ведь через перевал Соколиный Ключ можно попасть в Черновицкую область – он пережил немало бурных событий, оставивших свой отпечаток. Полвека назад здесь прокатилась серия крупных пожаров, пять раз наносивших городу серьезный ущерб. В начале XVII века Златоград выдержал трехнедельную осаду, потеряв тринадцать тысяч жителей, причем людские потери от войны усугублялись голодом и эпидемиями.

Кирилл Игнатьевич велел мне остановиться в гостинице «Янтарная Подкова». К моей радости, она оказалась совершенно старомодной, ведь мне хотелось увидеть как можно больше местных обычаев. Меня, очевидно, ждали, потому что, когда я подошел к двери, меня встретила приветливая пожилая женщина в традиционном крестьянском наряде – белой нижней юбке и длинном двойном переднике из яркой ткани, плотно облегавшем фигуру. Подойдя ближе, она поклонилась и произнесла: «Господин из Англии?» «Да, – ответил я, – Артем Соколов». Она улыбнулась и передала что-то пожилому мужчине в белой рубашке, который последовал за ней к двери. Он ушел и тут же вернулся с письмом:

«Мой друг! – Приветствую вас в Карпатах. С нетерпением жду нашей встречи. Отдохните этой ночью. Завтра в три часа дня автобус отправится в Черновицкую область; место для вас забронировано. У Соколиного Ключа вас будет ждать моя машина, которая и доставит вас ко мне. Надеюсь, ваше путешествие из Лондона было приятным и вам понравится

пробывание в моей прекрасной стране.

Ваш друг,

КИРИЛЛ ИГНАТЬЕВИЧ».

4 мая. – Я узнал, что хозяин гостиницы получил письмо от Кирилла Игнатъевича с просьбой зарезервировать для меня лучшее место в автобусе; но, когда я стал расспрашивать о подробностях, он замялся и сделал вид, что не понимает моего немецкого. Это было странно, потому что до этого он прекрасно меня понимал; во всяком случае, отвечал на мои вопросы так, словно понимал. Он и его жена, та самая старушка, которая меня встретила, испуганно переглянулись. Он пробормотал, что деньги были присланы в письме, и это все, что он знает. Когда я спросил, знает ли он Кирилла Игнатъевича и может ли рассказать что-нибудь о его поместье, он и его жена перекрестились и, сказав, что ничего не знают, просто отказались говорить дальше. Время отправления приближалось, и у меня не было времени расспрашивать кого-либо еще, а вся эта ситуация казалась очень загадочной и совсем не успокаивала.

Прямо перед моим отъездом старушка ворвалась в мою комнату и взволнованно сказала:

«Неужели вы уезжаете? Ах! Молодой человек, неужели вам необходимо уехать?» Она была так встревожена, что, казалось, забыла остатки своего английского и перешла на какой-то другой язык, мне совершенно незнакомый. Я мог понимать ее только с большим трудом, переспрашивая по

несколько раз. Когда я сказал, что должен срочно уехать по важному делу, она снова спросила:

«Вы знаете, какое сегодня число?» Я ответил, что сегодня четвертое мая. Она покачала головой и повторила:

«Да, конечно! Я знаю это! Но знаете ли вы, что это за день?» На мой ответ, что не понимаю, она продолжила:

«Это канун Дня Егория Победоносца. Разве вы не знаете, что в эту ночь, когда часы пробьют полночь, все злое в мире обретет полную силу? Вы знаете, куда вы едете и зачем?» Она была в таком отчаянии, что я попытался ее успокоить, но безуспешно. В конце концов она опустилась на колени и стала умолять меня не уезжать, хотя бы подождать день-два. Все это было очень странно, но я чувствовал себя неловко. Однако мне нужно было заниматься делами, и я не мог позволить ничему этому помешать. Поэтому я попытался поднять ее и сказал как можно более серьезно, что благодарен ей, но мой долг превыше всего, и я должен ехать. Тогда она встала, вытерла слезы и, сняв с шеи свой нательный крестик, протянула его мне. Я не знал, что делать, потому что, будучи православным, я был воспитан в некотором пренебрежении к подобным вещам, считая их суеверием, и все же казалось невежливым отказать пожилой женщине, желающей добра и находящейся в таком состоянии. Она, вероятно, увидела сомнение на моем лице, потому что сама надела мне на шею крестик и сказала: «Ради вашей матери», и вышла из комнаты. Я пишу эту часть дневника, пока жду свой трансфер,

который, конечно же, задерживается; и крестик все еще на моей шее. То ли это страхи старой женщины, то ли многочисленные зловещие легенды этого места, то ли сам крестик, я не знаю, но я чувствую себя не так спокойно, как обычно. Если этот дневник когда-нибудь дойдет до Светы раньше меня, пусть она примет мои извинения. Вот и машина!

* * * * *

5 мая. Усадьба. – Серая мгла утра рассеялась, и солнце высоко над далеким горизонтом, который кажется зубчатым то ли от деревьев, то ли от холмов, я не знаю, потому что он так далеко, что большие и малые вещи сливаются воедино. Мне не хочется спать, и поскольку меня не позовут, пока я не проснусь, естественно, я пишу, пока сон не одолеет меня. Есть много странных вещей, которые нужно записать, и чтобы тот, кто это читает, не подумал, что я слишком плотно поужинал перед отъездом из Твери, позвольте мне точно описать свой ужин. Я ел то, что они называли «шашлыком по-сибирски» – кусочки сала, лука и оленины, приправленные красным перцем, нанизанные на шампуры и жаренные на углях, в простом стиле привокзальной забегаловки! Вино было «Солнечная Долина», которое вызывает странное покалывание на языке, но это не неприятно. Я выпил всего пару бокалов, и больше ничего.

Когда я уселся в "буханку", водитель еще не занял свое место. Я заметил, как он оживленно беседует с администраторшей. Они явно обсуждали меня, потому что то и дело

бросали взгляды в мою сторону. Несколько человек, сидевших на лавочке у входа в "Вестник" (так они называют свой информационный пункт), подходили послушать, а потом тоже смотрели на меня, в основном с каким-то сочувствием. Я услышал несколько странных, часто повторяющихся слов. В толпе было много приезжих, говорящих на разных языках, поэтому я достал из рюкзака свой электронный переводчик и пробил их. Признаться, меня это не обрадовало. Среди них были "Чёрт" – ну, тут понятно, "Пекло" – тоже не добавляет оптимизма, "Колдунья" – уже интересно, и "Вовкулака" с "Упырем" – оба, кажется, означают одно и то же, только один вариант белорусский, а другой украинский, для обозначения чего-то вроде оборотня или вампира. (_Заметка._ Надо будет спросить у господина Волкова об этих местных суевериях).

Когда мы тронулись, толпа у дверей хостела, которая к тому времени заметно увеличилась, дружно перекрестилась и показала на меня "фигу". С некоторым трудом я выудил у одного из попутчиков объяснение, что это значит. Сначала он отнекивался, но, узнав, что я из Москвы, объяснил, что это оберег от дурного глаза. Не самое приятное начало путешествия в неизвестность к незнакомому человеку. Но все вокруг казались такими доброжелательными, печальными и сочувствующими, что я не мог не проникнуться. Наверное, никогда не забуду этот последний взгляд на двор хостела и его колоритную толпу, все крестятся, столпившись вокруг

широкой арки, а на заднем плане – буйная зелень винограда и мандариновых деревьев в пластиковых кадках, сгрудившихся в центре двора. Затем наш водитель, чьи широкие спортивные штаны закрывали всю переднюю часть сиденья – "табуретку", как они ее называют – щелкнул своим потрепанным ремнем над капотом, и мы поехали.

Вскоре тревожные мысли отступили, уступив место очарованию окружающих пейзажей. Хотя, признаться, понимаю я хоть слово из того, что говорили мои попутчики, возможно, отделаться от этих мыслей было бы не так просто. Перед нами раскинулась холмистая местность, поросшая лесами и перелесками, с редкими, но крутыми подъемами, на вершинах которых виднелись то группы деревьев, то крыши фермерских домов, обращенные глухими стенами к дороге. Всюду буйствовало цветение фруктовых деревьев – яблони, сливы, груши, вишни. Проезжая мимо, я замечал зеленую траву под деревьями, усыпанную нежными лепестками. Дорога извивалась среди этих зеленых холмов, которые местные называли "Подмосковье", то теряясь за травянистыми склонами, то скрываясь за сосновыми рощами, спускавшимися по холмам, словно языки пламени. Дорога была неровной, но казалось, что нас несет по ней с какой-то лихорадочной спешкой. Тогда я не понимал, что означала эта торопливость, но водитель явно стремился как можно скорее добраться до поселка Красный Бор. Мне сказали, что летом эта дорога прекрасна, но после зимних снегов ее еще не успели привести в поряд-

док. В этом она отличалась от большинства дорог в Тверской области, где существует давняя традиция не содержать их в идеальном состоянии. В старину помещики не ремонтировали дороги, чтобы враг не подумал, что готовятся к приему иностранных войск, и тем самым не спровоцировал войну.

За зелеными холмами Подмосковья возвышались мощные лесистые склоны, уходящие к высоким вершинам Валдайской возвышенности. Справа и слева от нас они высились, и послеполуденное солнце, падая на них, выявляло все великолепие красок этого горного массива: глубокий синий и пурпурный в тенях вершин, зеленый и коричневый там, где трава смешивалась с камнем, и бесконечная перспектива изрезанных скал и острых утесов, теряющихся вдаль, где величаво возвышались снежные пики. Кое-где виднелись огромные ущелья в горах, сквозь которые, когда солнце начало садиться, мы то и дело видели белые отблески падающей воды. Один из моих попутчиков коснулся моей руки, когда мы обогнули подножие холма, и перед нами открылась высокая, покрытая снегом вершина горы, которая, казалось, по мере того, как мы двигались по извилистой дороге, находилась прямо перед нами:

– Смотри! Вот оно! – "Место силы!" – и он благоговейно перекрестился.

Пока мы неуклонно двигались вперед, солнце медленно погружалось за горизонт, оставляя за собой длинные вечерние тени. Особенно выделялась заснеженная вершина горы,

все еще купающаяся в последних лучах заката, словно подсвеченная нежным розовым светом. По пути нам попадались местные жители, одетые в яркие, традиционные костюмы, но я заметил, что у многих были заметные признаки заболевания щитовидной железой. Вдоль дороги то и дело возвышались поклонные кресты, и мои попутчики при каждом проезде истово крестились. Иногда у крестов стояли на коленях крестьяне, погруженные в молитву, не обращая внимания на наше приближение, словно в самозабвенной преданности они не видели и не слышали ничего вокруг.

Для меня многое было в новинку. Например, стога сена, сложенные прямо на деревьях, или живописные заросли плакучих берез, чьи белые стволы сияли серебром сквозь нежную зелень листвы. Время от времени мы обгоняли "лейтер-вагены" – обычные крестьянские телеги с длинным, извилистым дышлом, приспособленным к ухабистым дорогам. В них обычно теснилась целая группа возвращающихся домой селян, одетых в белые или цветные овчины, а некоторые несли длинные посохи с топором на конце, словно средневековые рыцари.

С наступлением вечера заметно похолодало, и сгущающиеся сумерки сливались с мраком деревьев – дубов, буков и сосен. В долинах, глубоко врезавшихся между отрогами холмов, темные ели выделялись на фоне еще не растаявшего снега. Когда дорога проходила через сосновые леса, которые в темноте казались надвигающимися, большие серые наро-

сты на деревьях создавали странное и торжественное впечатление, навевая мрачные фантазии, усиленные призрачными облаками, извивающимися в долинах.

Иногда склоны становились настолько крутыми, что, несмотря на торопливость нашего водителя, лошади едва могли двигаться. Мне хотелось выйти и пройтись пешком, как я привык делать дома, но водитель категорически отказался. "Нет, нет, здесь нельзя ходить пешком, – сказал он. – Собаки очень злые". А затем добавил, с мрачной шуткой, – оглянувшись, чтобы увидеть одобрительные улыбки остальных: "И так дел хватит, пока доберетесь до сна". Единственная остановка, которую он сделал, была короткой – чтобы зажечь фары.

Ночь сгушалась, и я почувствовал, как нарастает нервозность среди попутчиков. Они то и дело обращались ко мне, словно подгоняя водителя. Тот, не церемонясь, хлестал "Газель" по измученному кузову, подбадривая её рёвом мотора. Вдруг, сквозь кромешную тьму, впереди замаячило нечто вроде размытого пятна света, словно в горах образовался пролом.

Напряжение в салоне достигло пика. Наша старенькая "Газель" тряслась на ухабах, словно щепка в бушующем море. Пришлось крепко держаться за поручень. Дорога выровнялась, и нам показалось, что мы летим вперёд. Затем горы, казалось, надвинулись на нас с обеих сторон, нависая мрачной стеной. Мы въезжали в Дарьяльское ущелье.

Один за другим пассажиры стали предлагать мне какие-то вещи, настойчиво всовывая их в руки с искренностью, не допуская отказа. Какие-то странные безделушки, амулеты, иконки. Каждый предмет был вручен с тихой верой, с добрым словом и напутствием, и с той странной смесью жестов, выражающих суеверный страх, которую я видел у блокпоста на въезде в Грозный – крестное знамение и шепотки от сглаза.

Вдруг водитель наклонился вперёд, и все пассажиры, вытягиваясь из-за спинок сидений, жадно вглядывались в темноту. Было очевидно, что происходит что-то важное, но, несмотря на мои вопросы, никто не хотел ничего объяснять. Это состояние тревожного ожидания длилось довольно долго. Наконец, мы выехали из ущелья на равнину. Над головой нависали тёмные, грозовые тучи, и в воздухе чувствовалось тяжёлое, гнетущее предчувствие грозы. Казалось, горный хребет разделил две разные стихии, и теперь мы попали в эпицентр надвигающегося шторма.

Я начал высматривать машину, которая должна была отвезти меня в штаб к полковнику Захарову. Каждую секунду я ждал, что в темноте мелькнут фары, но вокруг была лишь непроглядная тьма. Единственным источником света были тусклые лучи фар нашей "Газели", в которых пар от перегретого двигателя поднимался белым облаком. Впереди показалась песчаная дорога, но на ней не было ни малейшего признака ожидающей машины.

Пассажиры откинулись на спинки сидений с облегчённым вздохом, который, казалось, лишь подчёркивал моё разочарование. Я уже начал думать, что мне делать дальше, когда водитель, взглянув на свой старенький телефон, пробормотал что-то остальным, так тихо и невнятно, что я едва слышал: "На час опоздали". Затем, повернувшись ко мне, он сказал на ломаном русском:

— Машины нет. Полковника совсем не ждут. Он уехал в Ростов, вернётся завтра или послезавтра. Лучше послезавтра.

Лошади вдруг заржали, зафыркали, забились в испуге, так что Егору, кучеру, пришлось приложить немало усилий, чтобы их удержать. В этот момент, сквозь хор испуганных возгласов селян и истовое крестное знамение, мимо нас пронеслась карета, запряженная четверкой вороных коней, обогнав дилижанс и резко затормозив рядом. В свете наших тусклых фонарей я разглядел, как лучи выхватывают из темноты их мощные фигуры – это были угольно-черные, словно изваянные из ночи, животные. Правил ими высокий мужчина с длинной, каштановой бородой и огромной черной шляпой, надвинутой так низко, что она почти полностью скрывала его лицо. Лишь отблески света играли в глубине его глаз, казавшихся в этом свете неестественно красными, когда он повернулся к нашему кучеру.

– Рано сегодня, дружок, – произнес он низким, хриплым голосом.

Егор замялся, запинаясь:

– Английский господин спешил... – пробормотал он.

– Вот оно что, значит, в Чернигов его вез? – усмехнулся незнакомец. – Меня не проведешь, приятель. Я слишком много знаю, и мои кони быстры, как ветер.

Он улыбнулся, и свет фонаря скользнул по его суровому лицу, обнажив тонкие, ярко-красные губы и острые, белые, словно слоновая кость, зубы. Мой попутчик прошептал другому строчку из старой песни:

– "Мертвые не ждут, когда зовут..."

Казалось, странный кучер услышал эти слова, потому что вскинул голову и одарил нас сияющей, пугающей улыбкой. Один из пассажиров отвернулся, судорожно сложив два пальца крестом.

– Подайте багаж господина, – скомандовал кучер. И с невероятной проворностью мои сумки были выгружены и перенесены в карету. Я спустился с подножки дилижанса, и как только я приблизился к карете, кучер помог мне, схватив мою руку стальной хваткой. Сила его была поразительной. Не говоря ни слова, он дернул вожжи, лошади развернулись, и мы помчались в ночную тьму перевала. Оглянувшись назад, я увидел пар, поднимающийся от лошадей дилижанса в свете фонарей, и на его фоне – силуэты моих недавних попутчиков, истово крестящихся. Затем кучер щелкнул кнутом и крикнул лошадям, и они понеслись вперед, в сторону Чернигова. Когда они скрылись в темноте, я почувствовал

странный озноб, и меня охватило чувство одиночества. Но в тот же миг на мои плечи накинули теплый плащ, а на колени – мягкий плед, и кучер произнес на безупречном русском:

Ночь выдалась промозглой, и водитель, представившийся как Игорь, заверил, что у него есть распоряжение от господина Волкова обеспечить мой комфорт. "Под сиденьем припрятана бутылка настойки на травах, местный специалитет, – сказал он. – Если почувствуете потребность". Я не прикоснулся к ней, но осознание ее присутствия немного успокаивало. Меня охватывало странное предчувствие, смешанное с тревогой. Признаться, я бы предпочел глотнуть чего-нибудь согревающего, чем продолжать эту непредсказуемую ночную поездку. Машина неслась вперед, затем резко развернулась, и мы помчались по другому участку шоссе. Мне стало казаться, что мы кружим по одному и тому же месту; я даже заметил светящуюся вывеску автозаправки и убедился, что мы проезжаем мимо нее снова. Хотелось спросить Игоря, что происходит, но я опасался, что любые мои вопросы останутся без ответа, если у них есть приказ меня задержать. Спустя какое-то время, желая узнать, сколько прошло времени, я достал телефон и посмотрел на часы: без пяти минут двенадцать. Это меня немного встревожило, возможно, из-за суеверных представлений о ночном времени, усиленных моими недавними событиями. Я ждал с нарастающим беспокойством.

Внезапно где-то в деревне внизу, залаяла собака – про-

тяжный, тоскливый вой, словно от ужаса. К ней присоединилась другая, потом еще одна, и вскоре, подгоняемый ветром, который теперь завывал в низине, началась настоящая какофония, казалось, доносящаяся со всей округи, насколько позволяла видеть ночная тьма. От первого же воя лошади вздрогнули и занервничали, но Игорь успокаивающе заговорил с ними, и они немного успокоились, хотя и продолжали дрожать и покрываться испариной, словно после испуга. Затем, вдалеке, с гор по обе стороны от нас, раздался более громкий и резкий вой – волчий, – который одинаково подействовал и на машину, и на меня самого: мне захотелось выскочить и бежать, в то время как она снова задергалась, так что Игорю пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать ее. Однако через несколько минут мои уши привыкли к звуку, и животные настолько успокоились, что водитель смог выйти и встать перед ними. Он ласкал и успокаивал их, шептал что-то на ухо, как я слышал, делают опытные дрессировщики, и это возымело действие, ибо под его прикосновениями они снова стали вполне управляемыми, хотя и продолжали дрожать. Игорь вернулся на свое место и, дернув руль, помчался с большой скоростью. Доехав до дальней стороны перевала, он внезапно свернул на узкую дорогу, которая круто уходила вправо.

Вскоре нас окружили деревья, кроны которых местами смыкались прямо над шоссе, превращая его в подобие тоннеля. Затем, словно часовые, по обеим сторонам встали угрю-

мые скалы. Несмотря на эту защиту, ветер проникал сюда, стонал и завывал в расщелинах, а ветви деревьев с треском хлестали друг друга, когда мы проносились мимо. Становилось все зябче, и начал сеять мелкий, колючий снег, быстро укрывая нас и все вокруг белой пеленой. Пронизывающий ветер доносил приглушенный вой собак, который постепенно стихал по мере нашего продвижения. Зато волчий вой звучал все ближе, казалось, они окружают нас со всех сторон. Меня охватил леденящий ужас, который, казалось, передался и лошадям. Однако кучер, дядя Миша, сохранял невозмутимость. Он лишь поводит головой из стороны в сторону, но в кромешной тьме я ничего не мог разглядеть.

Внезапно, слева от дороги, я заметил слабое, мерцающее голубое пламя. Дядя Миша заметил его одновременно со мной. Он резко затормозил, спрыгнул с сиденья и исчез в темноте. Я не знал, что предпринять, особенно учитывая, что волчий вой становился все ближе. Но пока я колебался, дядя Миша внезапно появился вновь, молча занял свое место, и мы продолжили путь. Кажется, я задремал и этот эпизод привиделся мне во сне, потому что он повторялся снова и снова, превратившись в жуткий кошмар. Однажды пламя возникло так близко к дороге, что даже в окружающей тьме я смог разглядеть действия дяди Миши. Он быстро подошел к месту, где появилось голубое свечение – оно, должно быть, было очень слабым, потому что практически не освещало пространство вокруг, – и, собрав несколько камней, со-

орудил из них что-то вроде небольшого холмика. Однажды возник странный оптический эффект: когда он стоял между мной и пламенем, он не заслонял его. Я все равно видел призрачное мерцание. Это меня встревожило, но поскольку эффект был мимолетным, я решил, что это мои глаза обманывают меня, напрягаясь в темноте. Затем голубое пламя исчезло на некоторое время, и мы неслись вперед сквозь мрак, окруженные волчьим воем, словно они преследовали нас, двигаясь по кругу.

Наконец, наступил момент, когда дядя Миша отошел дальше, чем обычно, и в его отсутствие лошади начали дрожать сильнее прежнего, фыркать и визжать от страха. Я не видел для этого никаких причин, потому что волчий вой совсем стих. Но именно в этот момент луна, прорвавшись сквозь черные тучи, выглянула из-за зубчатого гребня нависшей, покрытой соснами скалы. В ее свете я увидел вокруг нас кольцо волков с оскаленными белыми зубами и высунутыми красными языками, с длинными жилистыми лапами и взъерошенной шерстью. В этой зловещей тишине, которая их сковывала, они казались в сто раз страшнее, чем когда выли. Меня сковал какой-то паралич от ужаса. Только столкнувшись лицом к лицу с подобным кошмаром, можно понять его истинный масштаб.

Внезапно вой волков достиг такого крещендо, словно луна наделила их сверхъестественной силой. Кони заржали в панике, вздымаясь на дыбы, их глаза отражали животный

ужас, но кольцо хищников сжималось вокруг них, не давая вырваться. Я позвал Егора, кучера, решив, что единственный шанс – прорваться сквозь окружение. Кричал, колотил в перегородку, надеясь шумом отпугнуть волков с нашей стороны, дать Егору возможность приблизиться. Как он там оказался, не знаю, но услышал его властный голос, обернулся и увидел стоящего на дороге Олега. Взмахнув длинными руками, словно отбрасывая невидимую преграду, Олег заставил волков отступить, отступать все дальше. В этот миг тяжелая туча закрыла луну, погрузив нас во тьму.

Когда зрение вернулось, Егор уже забирался в карету, а волки исчезли. Все это было настолько странно и жутко, что меня сковал леденящий страх, я боялся пошевелиться, издать звук. Время тянулось мучительно медленно, пока мы неслись по дороге, почти в полной темноте из-за облаков, закрывающих луну. Мы продолжали подниматься в гору, с редкими короткими спусками, но в основном только вверх. Внезапно я понял, что Егор останавливает лошадей во дворе огромного, полуразрушенного замка. Из его высоких, черных окон не исходило ни лучика света, а разбитые зубцы стен вырисовывали зловещий силуэт на фоне лунного неба.

ГЛАВА II

ДНЕВНИК АНТОНА КУЗНЕЦОВА – _продолжение_

5 мая. – Должно быть, я провалился в сон, иначе не пропустил бы приближение такого впечатляющего места. В полумраке двор казался огромным, а множество темных про-

ходов, расходящихся от него под большими арками, визуаль-но увеличивали его и без того внушительные размеры. Мне еще предстоит увидеть его при дневном свете.

Когда карета остановилась, Егор спрыгнул на землю и протянул руку, чтобы помочь мне выйти. Я снова поразился его недюжинной силе. Его хватка была словно стальные тиски, способные раздавить мою руку, если бы он захотел. Он вынул мои вещи и поставил их на землю рядом со мной, пока я стоял у огромной двери, старой, окованной большими железными гвоздями и расположенной в выступающем портале из массивного камня. Даже в тусклом свете было видно, что камень искусно вырезан, но резьба сильно пострадала от времени и непогоды. Пока я разглядывал дверь, Егор снова вскочил на свое место и натянул вожжи; лошади тронулись, и карета исчезла в одном из темных проходов.

Я замер в полной тишине, не зная, что предпринять. Ни звонка домофона, ни стука в дверь не было слышно; казалось, сквозь эти мрачные стены и узкие окна мой голос просто не сможет пробиться. Ожидание тянулось мучительно долго, и меня начали терзать сомнения и страхи. Что это за место, куда я попал, и кто эти люди, живущие здесь? Какое странное приключение меня ждет? Разве это обычная ситуация для офисного сотрудника, которого отправили оформлять покупку элитного коттеджа под Питером для какого-то иностранца? Сотрудник! Это мне не нравится. Юрист – ведь я как раз перед отъездом из Москвы получил подтвержде-

ние об успешной сдаче квалификационного экзамена; теперь я полноценный юрист! Я начал тереть глаза и щипать себя, чтобы убедиться, что это не сон. Все это казалось каким-то кошмаром, и я ждал, что вот-вот проснусь у себя дома, а сквозь шторы будет пробиваться рассвет, как это иногда бывает после тяжелого рабочего дня. Но щипок оказался болезненным, и глаза меня не обманывали. Я действительно находился где-то в районе Карелии. Оставалось только набраться терпения и ждать утра.

И как только я пришел к такому решению, я услышал тяжелые шаги, приближающиеся за массивной дверью, и сквозь щель увидел полоску света. Затем послышался звук звенящих цепей и лязг отодвигаемых задвижек. Ключ повернулся в замке с громким скрежетом, словно его не использовали целую вечность, и огромная дверь распахнулась.

В дверях стоял высокий старик, гладко выбритый, если не считать длинных седых усов, одетый во все черное с головы до ног, без единого яркого пятна. В руке он держал старинный серебряный фонарь, в котором горел открытый огонь, отбрасывая длинные дрожащие тени, когда пламя колыхалось от сквозняка из открытой двери. Старик жестом правой руки пригласил меня войти, сделав учтивый поклон и произнеся на прекрасном русском, но с каким-то странным акцентом:

«Добро пожаловать в мой дом! Входите свободно и по своей воле!» Он не сделал ни шагу навстречу, а стоял непо-

движно, словно его приветственный жест превратил его в камень. Однако, как только я переступил порог, он резко шагнул вперед и, протянув руку, схватил мою с такой силой, что я невольно вздрогнул, и это ощущение не уменьшилось от того, что его рука была холодной, как лед, больше похожей на руку мертвеца, чем живого человека. Снова он произнес:

«Добро пожаловать в мой дом. Приходите свободно. Уходите в безопасности; и оставьте частичку счастья, которое вы приносите!» Сила его рукопожатия была так похожа на ту, которую я почувствовал у водителя, лица которого я не разглядел, что на мгновение я засомневался, не с тем ли самым человеком я разговариваю; поэтому, чтобы убедиться, я вопросительно произнес:

«Господин Воронин?» Он учтиво поклонился, отвечая:

«Я – Воронин; и я приветствую вас, господин Белов, в моем доме. Входите; ночной воздух очень холоден, вам нужно поесть и отдохнуть». С этими словами он поставил фонарь на кронштейн на стене и, выйдя вперед, взял мой чемодан; он внес его внутрь прежде, чем я успел ему помешать. Я попытался возразить, но он настоял:

– Нет, ни в коем случае, вы мой гость. Время позднее, мои помощники уже ушли. Позвольте мне лично позаботиться о вашем удобстве. – Он настойчиво взял мои вещи, пронес их по длинному коридору, затем вверх по широкой винтовой лестнице, и снова по коридору, где наши шаги гулко отдавались от каменного пола. В конце коридора он распахнул

массивную дверь, и я с облегчением увидел светлую комнату, где был сервирован ужин, а в огромном камине весело пылал костер из свежих поленьев.

Дмитрий остановился, поставил мои сумки, закрыл дверь и, пересекая комнату, открыл другую дверь, ведущую в небольшую восьмиугольную комнату, освещенную лишь одной лампой и, казалось, без окон. Пройдя через нее, он открыл еще одну дверь и жестом пригласил меня войти. Это было приятное зрелище: просторная спальня, хорошо освещенная и согретая другим костром, тоже недавно подложенным, судя по свежим бревнам, которые потрескивали в широком дымоходе. Дмитрий сам внес мой багаж и удалился, сказав перед тем, как закрыть дверь:

– Вам, наверное, после дороги, захочется освежиться и привести себя в порядок. Надеюсь, вы найдете все необходимое. Когда будете готовы, проходите в соседнюю комнату, там вас ждет ужин.

Свет, тепло и радушный прием Дмитрия, казалось, развеяли все мои сомнения и опасения. Вернувшись в привычное состояние, я почувствовал сильный голод. Поэтому, быстро приведя себя в порядок, я вошел в соседнюю комнату.

Ужин был уже на столе. Мой хозяин, стоявший у камина, прислонившись к каменной кладке, жестом указал на стол и произнес:

– Прошу вас, садитесь и ужинайте. Надеюсь, вы простите меня за то, что не составлю вам компанию, я уже поужинал.

Я передал ему запечатанное письмо, которое мне доверил Игорь Петрович. Он открыл его и прочитал с серьезным видом, затем, с приветливой улыбкой, вернул мне, чтобы я тоже прочитал. Один отрывок особенно меня порадовал:

«К сожалению, должен сообщить, что приступ радикулита, от которого я страдаю, исключает любые поездки с моей стороны в ближайшее время. Но я рад сообщить, что могу прислать достойную замену, человека, которому я полностью доверяю. Это молодой человек, энергичный и талантливый, очень преданный делу. Он сдержан и немногословен, вырос у меня на глазах. Он будет в вашем распоряжении в любое время и выполнит все ваши поручения».

Дмитрий подошел и снял крышку с блюда, и я сразу же набросился на аппетитного жареного цыпленка. Это, с сыром, свежим салатом и двумя бокалами старого хереса, составило мой ужин. Во время еды Дмитрий задавал мне много вопросов о моей поездке, и я постепенно рассказал ему обо всем, что произошло.

К тому моменту я доел свой ужин. По настоянию хозяина я придвинул стул поближе к камину и закурил предложенную им сигару. Он извинился, что сам не курит. Теперь у меня появилась возможность как следует его рассмотреть. Его внешность оказалась весьма примечательной.

Лицо у него было волевое – очень волевое – я бы сказал, соколиное, с высоким прямым носом и характерными, чуть раздутыми ноздрями. Лоб высокий, куполообразный, с ред-

кими волосами у висков, но густыми в других местах. Брови – густые, почти сросшиеся над переносицей, с волосками, словно завивающимися сами по себе. Рот, насколько можно было разглядеть из-под густых усов, казался твердым и даже жестоким, с необычайно острыми белыми зубами. Они слегка выступали вперед, а яркая краснота губ говорила о недюжинной жизненной силе для человека его лет. Уши бледные, с очень заостренными кончиками. Подбородок широкий и сильный, щеки впалые, но твердые. В целом, он производил впечатление человека болезненно бледного.

До этого я видел лишь тыльную сторону его рук, когда они лежали у него на коленях в свете камина. Они казались довольно белыми и тонкими. Но теперь, увидев их вблизи, я не мог не отметить, что они были довольно грубыми – широкими, с короткими пальцами. И, как ни странно, в центре ладони росли волосы. Ногти длинные и тонкие, подстрижены острым кончиком. Когда Аркадий наклонился ко мне, и его руки случайно коснулись меня, я не смог сдержать дрожь. Возможно, у него просто было несвежее дыхание, но меня охватило какое-то странное чувство тошноты, которое я никак не мог скрыть. Аркадий, очевидно, это заметил. С мрачной ухмылкой, обнажившей его выдающиеся зубы, он отпрянул и снова уселся в кресло у камина. Некоторое время мы молчали. Взглянув в окно, я увидел первую бледную полоску занимающегося рассвета. Вокруг воцарилась странная тишина, но, прислушавшись, я услышал, словно откуда-то сни-

зу, из низины, вой множества собак. Глаза Аркадия блеснули, и он произнес:

– Послушайте их – детей ночи. Какую музыку они издают!

Заметив, вероятно, какое-то странное выражение на моем лице, он добавил:

– Ах, вам, городским жителям, не понять чувств охотника.

Затем он встал и сказал:

– Но вы, должно быть, устали. Ваша комната готова, и завтра вы будете спать столько, сколько пожелаете. Мне нужно отлучиться до полудня. Спите спокойно и пусть вам снятся хорошие сны!

С учтивым поклоном он сам открыл мне дверь в мою спальню, и я вошел...

Я в полном смятении. Сомневаюсь, боюсь, думаю о странных вещах, в которых не смею признаться даже самому себе. Боже, храни меня, хотя бы ради тех, кто мне дорог!

7 мая. Снова раннее утро, но я чувствовал себя отдохнувшим, насладившись вчерашним днем. Проснулся поздно, без будильника. Одевшись, вошел в столовую и обнаружил сервированный холодный завтрак, кофе в термопоте еще дымился. На столе лежала записка:

«Вынужден отъехать. Не жди. – Д.». Я с аппетитом поел. Закончив, попытался найти кнопку вызова, чтобы позвать прислугу, но не нашел. В доме странные недостатки, особенно учитывая окружающую роскошь. Золотой сервиз – на-

стоящее произведение искусства, должно быть, стоит целое состояние. Шторы, обивка кресел и диванов, балдахин над кроватью – из дорогих тканей, антиквариат, но в идеальном состоянии. Подобное я видел в Царицыно, но там все обветшало. И при этом ни одного зеркала. Даже на туалетном столике нет зеркала, пришлось достать бритвенное из сумки. Я не видел ни одного слуги и не слышал ни звука, кроме воя шакалов за стенами усадьбы. Закончив есть – не знаю, завтрак это был или обед, время было между пятью и шестью – я решил поискать что-нибудь почитать, не хотелось бродить по дому без разрешения хозяина. В комнате ничего не было: ни книг, ни газет, ни даже ручки с бумагой. Открыл другую дверь и обнаружил что-то вроде библиотеки. Дверь напротив оказалась заперта.

В библиотеке, к моей радости, обнаружилось множество книг на русском, целые полки, подшивки журналов и газет. Стол в центре завален свежими журналами и газетами, хотя некоторые уже не первой свежести. Книги на разные темы: история, география, политика, экономика, ботаника, геология, юриспруденция – все, что касалось России, русской жизни, обычаев и традиций. Были даже справочники: «Желтые страницы Москвы», «Весь Петербург», «Российский юридический ежегодник» – это почему-то согрело мне душу.

Пока я рассматривал книги, дверь открылась, и вошел Денис. Он тепло поздоровался и поинтересовался, хорошо ли я отдохнул. Затем продолжил:

«Рад, что нашли мой скромный угол, уверен, тут будет чем заняться. Вот, мои верные товарищи», – он коснулся стопки книг, – «не раз скрашивали мои вечера, особенно когда я загорелся идеей перебраться в Лондон. Благодаря им я заочно изучил вашу дивную Англию, а узнать её – значит полюбить. Мечтаю пройтись по людным улицам вашего величественного Лондона, окунуться в этот водоворот жизни, разделить его ритм, его взлеты и падения, всё, что делает его таким притягательным. Увы, пока мой английский – лишь книжный. Надеюсь, с вашей помощью я заговорю свободно».

«Но, Родион Петрович, – возразил я, – вы прекрасно владеете английским!»

Он склонил голову в знак благодарности.

«Благодарю за комплимент, но боюсь, я лишь в начале долгого пути. Да, я знаю грамматику, лексику, но говорить естественно пока не получается».

«Поверьте, – заверил я, – вы говорите безупречно».

«Не совсем так, – ответил он. – Знаете, если бы я заговорил с вами на улице Лондона, каждый сразу бы понял, что я иностранец. А мне этого недостаточно. Здесь я – уважаемый человек, боярин, меня знают в лицо, я тут хозяин. А чужак на чужбине – никто, его не знают, а значит, и не уважают. Хочу быть как все, чтобы никто не оборачивался мне вслед, не перешептывался, услышав мой акцент: "Ха, ха! Иностранец!" Я так долго был хозяином, что не хочу терять этот статус, или, по крайней мере, не хочу, чтобы кто-то другой стал

моим хозяином. Вы ведь приехали не только как представитель моего друга Петра Хохлова из Рязани, чтобы рассказать о моем новом поместье в Лондоне. Я надеюсь, вы погостите у меня, чтобы я мог перенять ваше произношение, интонации. И я буду признателен, если вы будете поправлять меня, даже в мелочах. Простите, что задержался сегодня, но у меня сейчас много дел».

Я заверил его, что готов помочь, и спросил, могу ли я заходить в эту комнату в любое время. Он ответил: «Конечно», и добавил:

«Вы можете свободно перемещаться по всему дому, кроме тех комнат, двери которых закрыты. Туда вам незачем заходить. На всё есть свои причины, и если бы вы видели мир моими глазами, знали то, что знаю я, вы бы всё поняли». Я ответил, что уверен в этом, и он продолжил:

«Мы в Тверской области, а это не Англия. Наши обычаи отличаются, для вас многое покажется странным. Впрочем, судя по вашим рассказам, вы уже сталкивались с необычными вещами».

Это вызвало оживленную дискуссию, и поскольку ему явно хотелось поболтать, просто чтобы убить время, я начал задавать вопросы о событиях, которые уже произошли со мной или привлекли мое внимание. Иногда он уходил от ответа или менял тему, делая вид, что не понимает, но в целом отвечал на мои вопросы довольно откровенно. Затем, когда время шло, и я немного осмелел, я спросил его о странных ве-

цах прошлой ночью, например, почему водитель ехал в те места, где я видел голубое свечение.

Он объяснил, что существует поверье, будто в определенную ночь года – а именно прошлой ночью, когда, как говорят, вся нечисть получает неограниченную власть, – голубое пламя появляется над любым местом, где спрятан клад. "То, что в районе, по которому вы ехали прошлой ночью, спрятаны сокровища, – продолжал он, – не вызывает сомнений. Это земля, за которую веками сражались валахи, саксы и турки. Да что там, едва ли найдется хоть клочок земли во всей этой области, который не был бы пропитан кровью людей, патриотов или захватчиков. В старые времена были бурные времена, когда австрийцы и венгры приходили ордами, а патриоты выходили им навстречу – мужчины и женщины, старики и дети – и ждали их на скалах над перевалами, чтобы обрушить на них разрушение своими искусственными лавинами. Когда захватчик торжествовал, он мало что находил, потому что все ценное было спрятано в родной земле".

"Но как, – спросил я, – оно могло оставаться ненайденным так долго, когда есть верный указатель, если люди только захотят поискать?"

Граф усмехнулся, и когда его губы оттянулись назад, обнажив десны, длинные, острые клыки странно выпятились. Он ответил: "Потому что ваш крестьянин в душе трус и дурак! Эти огни появляются только в одну ночь, и в эту ночь ни один человек в этой стране, если может этого избежать,

не выйдет за порог своего дома. И, дорогой мой, даже если бы он и вышел, он не знал бы, что делать. Да что там, даже тот крестьянин, о котором вы мне рассказываете, увидевший пламя, не смог бы днем найти место своей работы. Даже вы не смогли бы, смею поклясться, найти эти места снова?"

"Вы правы, – сказал я. – Я понятия не имею, где их искать".

Затем мы перешли к другим темам.

"Ну же, – сказал он наконец, – расскажите мне о Москве и о квартире, которую вы для меня купили".

Извинившись за свою рассеянность, я поспешил в свою комнату за нужными документами. Пока я раскладывал бумаги на столе, из гостиной донесся тихий звон посуды. Заглянув туда, я увидел, что стол уже убран, а торшер включен – на улице совсем стемнело. В кабинете тоже горел свет. Ярослав Игоревич лежал на диване и, к моему удивлению, читал какой-то старый путеводитель. Заметив меня, он отложил книгу и жестом пригласил меня к столу. Мы погрузились в обсуждение планов, документов и цифр. Он живо интересовался всем, задавал бесчисленные вопросы о месте и его окрестностях. Чувствовалось, что он заранее изучил все доступные материалы, и в итоге знал о районе даже больше меня. Заметив мое удивление, он улыбнулся:

– Ну, как же иначе, мой друг? Когда я туда приеду, я буду совершенно один. И мой друг, Артем Сергеевич – простите, это моя привычка ставить отчество вперед – мой друг Артем

Сергеевич не будет рядом, чтобы поправить меня и помочь. Он сейчас в Твери, наверное, работает над юридическими документами с нашим общим знакомым, Петром Ильичом. Вот так!

Мы подробно обсудили покупку усадьбы в Заречье. После того, как я изложил все детали, получил его подпись на необходимых бумагах и подготовил письмо Петру Ильичу, Ярослав Игоревич поинтересовался, как я вообще нашел такое подходящее место. Я зачитал ему свои тогдашние заметки, которые приведу и здесь:

«В Заречье, на проселочной дороге, я наткнулся на именно то, что, казалось, нужно. Там висела обветшалая табличка о продаже. Участок окружен высокой стеной старинной кладки из массивных камней, которая давно не видела ремонта. Закрытые ворота сделаны из старого дуба, усиленно-го железом, и все покрыты ржавчиной».

Усадьба называлась "Четыре Ветра", явное искажение старинного прозвища, данного ей за четыре фасада, ориентированных по сторонам света. Территория занимала гектаров восемь, вся обнесена высокой каменной стеной. Густые заросли деревьев создавали местами гнетущую тень, а в низине темнел глубокий пруд, скорее небольшое озеро, питаемое, судя по всему, подземными ключами, поскольку вода была кристально чистой и вытекала в довольно широкий ручей. Дом был огромный, с архитектурой разных эпох, вплоть до средневековья – одна из его частей была сложена из тол-

стенных каменных блоков, с редкими окнами, расположенными высоко и защищенными коваными решетками. Она напоминала крепостную башню и примыкала к старой часовне, или скорее, полуразрушенной церкви. Внутри я попасть не смог, так как у меня не было ключа от двери, ведущей туда из дома, но я сделал несколько снимков с разных ракурсов на свой телефон. К основному зданию были пристроены многочисленные флигели и переходы, совершенно хаотично, и я мог только догадываться об общей площади, которая, должно быть, была колоссальной. В окрестностях было мало жилых домов, один из них – огромный особняк, недавно перестроенный и превращенный в частную психиатрическую клинику. Но с территории усадьбы его не было видно.

Когда я закончил осмотр, он произнес:

– Я рад, что он старый и большой. Я сам из древнего рода, и жизнь в новостройке меня бы убила. Дом нельзя сделать домом за один день; да и что такое один день в масштабах столетия? Я также рад наличию старинной часовни. Мы, потомки старых родов, не хотим, чтобы наши кости покоились в общей могиле с простыми смертными. Я не ищу ни веселья, ни радости, ни яркого солнца, ни сверкающей воды, которые так радуют молодых и беззаботных. Я уже не молод; и мое сердце, после долгих лет скорби по ушедшим, не настроено на развлечения. Более того, стены моего родового гнезда разрушены; там царит полумрак, и ветер гуляет сквозь про-

гневшие балки и оконные рамы. Я люблю тень и уединение и предпочитаю оставаться наедине со своими мыслями, когда это возможно.

Почему-то его слова и взгляд не совпадали, или же выражение его лица делало его улыбку какой-то злобной и насмешливой.

Вскоре он извинился и оставил меня, попросив собрать все мои документы. Его не было довольно долго, и я начал рассматривать книги, стоявшие на полках. Мое внимание привлек атлас, который был открыт на странице с картой Англии, как будто ею часто пользовались. Присмотревшись, я заметил маленькие кружки, обведенные ручкой в определенных местах. Один из них был возле Лондона, в восточной части, очевидно, там, где располагалось его новое поместье; два других – Эксетер и Уитби на побережье Йоркшира.

Больше часа утекло, когда вернулся Арсений Петрович. «Ага! – произнес он, – все еще за документами? Отлично! Но нельзя же работать без перерыва. Прошу, пройдемте; мне сообщили, что ужин готов». Он взял меня под руку, и мы перешли в соседнюю комнату, где меня ждал прекрасно сервированный стол. Арсений Петрович снова принес извинения, объяснив, что ужинал вне дома, пока меня не было. Но он, как и вчера, оставался рядом, поддерживая беседу, пока я ел. После ужина я, по привычке, закурил, а Арсений Петрович продолжал разговор, задавая вопросы на самые разные темы, час за часом. Я почувствовал, что время позднее,

но не решался прервать хозяина, считая своим долгом быть внимательным к нему. Сна не было, так как вчерашний долгий отдых восстановил силы; но я не мог не ощутить легкий озноб, который иногда накатывает с приближением рассвета, словно смена караула. Говорят, что люди, находящиеся на пороге, часто уходят из жизни на рассвете или при смене погоды; любой, кто, будучи уставшим и привязанным к своему месту, испытал это изменение в атмосфере, легко в это поверит. Внезапно мы услышали крик петуха, пронзительно разнесшийся в утренней тишине; Арсений Петрович вскочил на ноги и воскликнул:

«Вот и утро! Как я увлекся, что позволил вам так долго не ложиться. Ваши рассказы о моей новой инвестиции, комплексе "Солнечный берег", настолько увлекательны, что я забываю, как быстро летит время», – и, учтиво поклонившись, он быстро покинул меня.

Я вернулся в свою комнату и задернул шторы, но смотреть было не на что; мое окно выходило во двор, и все, что я мог видеть, – это серый рассвет. Поэтому я снова задернул шторы и записал события этого дня.

* * * * *

8 мая. – Начал бояться, записывая все в этот блокнот, что становлюсь излишне многословным; но теперь я рад, что с самого начала фиксировал все детали, потому что в этом месте и во всем, что здесь происходит, есть что-то настолько странное, что я чувствую себя не в своей тарелке. Хотел бы я

быть в безопасности за его пределами, или чтобы я никогда сюда не приезжал. Возможно, этот странный ночной режим сказывается на мне; но если бы только это! Если бы было с кем поговорить, я бы выдержал, но здесь никого нет. Мне остается говорить только с Арсением Петровичем, и он... Боюсь, я сам – единственная живая душа в этом месте. Постараюсь быть максимально точным в изложении фактов; это поможет мне сохранить рассудок, и воображение не должно брать верх. Если это произойдет, я пропал. Позвольте мне сразу описать свое положение – или, по крайней мере, то, каким оно мне представляется.

Я провалился в короткий, тревожный сон, и, проснувшись от чувства, что больше не смогу сомкнуть глаз, поднялся с кровати. Прикрепив зеркало для бритья к оконной раме, я только начал намазывать щеку, когда вдруг ощутил чью-то руку на своем плече и услышал голос Олега Николаевича: "Доброе утро, Артем." Я вздрогнул, пораженный тем, что не заметил его приближения, ведь отражение в зеркале охватывало почти всю комнату. От неожиданности я слегка порезался, но в тот момент не придавал этому значения. Ответив на приветствие, я снова повернулся к зеркалу, пытаюсь понять, как мог его не заметить. На этот раз ошибки быть не могло – человек стоял совсем рядом, я видел его краем глаза. Но в зеркале его не было! Вся комната за моей спиной отражалась, но в ней не было никого, кроме меня. Это было невероятно, и, наряду с другими странностями, усиливало то

смутное чувство тревоги, которое я всегда испытывал в присутствии Олега Николаевича. В этот момент я заметил, что порез кровоточит, и струйка крови стекает по подбородку. Я отложил бритву и, полуобернувшись, потянулся за пластырем. Увидев кровь на моем лице, глаза Олега Николаевича вспыхнули каким-то нечеловеческим гневом, и он внезапно схватил меня за горло. Я отшатнулся, и его рука задела цепочку с крестиком, которую я носил. Это мгновенно изменило его – ярость исчезла так быстро, что я едва поверил, что она вообще была.

"Будь осторожен, – сказал он, – будь осторожен, когда брешься. В этих краях это опаснее, чем ты думаешь." Затем, схватив зеркало, он добавил: "А это – жалкая вещь, источник бед. Грязная безделушка человеческого тщеславия. Долой ее!" И, распахнув окно одним движением своей сильной руки, он выбросил зеркало, которое разбилось вдребезги о камни двора внизу. После этого он удалился, не сказав больше ни слова. Это крайне неприятно, ведь я не представляю, как теперь бриться, разве что в крышке от часов или на дне металлической кружки для бритья, что, к счастью, у меня есть.

Когда я вошел в столовую, завтрак был на столе, но Олега Николаевича нигде не было. Я позавтракал один. Странно, я до сих пор не видел, чтобы он ел или пил. Должно быть, он очень своеобразный человек! После завтрака я решил немного осмотреть дом. Поднявшись по лестнице, я на-

шел комнату с окнами на юг. Вид был потрясающий, и оттуда открывалась прекрасная панорама. Дом стоял на самом краю огромной пропасти. Камень, брошенный из окна, пролетел бы метров триста, ни за что не задев! Насколько хватало глаз, простиралось море зеленых крон деревьев, с глубокими ущельями там, где были овраги. Кое-где виднелись серебряные нити рек, извивающихся в глубоких долинах сквозь леса.

Но сейчас у меня нет настроения описывать красоты природы, потому что, полюбовавшись видом, я продолжил исследовать дом. Двери, двери, двери повсюду, и все заперты на замки и засовы. Нигде, кроме как через окна в стенах, нет выхода.

Этот дом – настоящая тюрьма, а я – узник!

ГЛАВА III

ДНЕВНИК АНТОНА КРАВЧЕНКО – _продолжение_

Осознание плена обрушилось внезапно, как ледяной душ. Паника гнала меня по лестницам, я дергал ручки дверей, заглядывал в окна, но вскоре бессилие придавило все остальные чувства. Сейчас, спустя несколько часов, мне кажется, я ненадолго сошел с ума, как загнанный зверь. Но когда пришло смирение с участью, я сел – спокойно, как никогда – и стал думать, что делать дальше. Думаю до сих пор, но к определенным выводам так и не пришел. Одно знаю наверняка: делиться своими мыслями с Романовым бессмысленно. Он прекрасно знает, что я заперт; и поскольку он сам это устроил, наверняка преследуя свои цели, он лишь обманет

меня, если я буду откровенен. Насколько я понимаю, мой единственный план – держать свои знания и страхи при себе и смотреть в оба. Либо меня обманывают, как ребенка, мои собственные страхи, либо я в отчаянном положении; и если верно последнее, мне понадобится весь мой ум, чтобы выпутаться.

Едва я пришел к такому решению, как услышал хлопок входной двери внизу, и понял, что Роман вернулся. Он не сразу вошел в кабинет, поэтому я осторожно прокрался в свою комнату и увидел, как он застилает мою кровать. Странно, но это лишь подтвердило мои подозрения – в доме нет прислуги. Позже, подсмотрев в щель, как он накрывает на стол в столовой, я окончательно убедился в этом; ибо если он выполняет все эти унижительные обязанности сам, это, безусловно, доказывает отсутствие других людей. Это меня напугало, потому что, если в этом особняке никого нет, то, должно быть, Роман сам был водителем, который меня сюда привез. Это ужасная мысль; ибо если это так, то что означает его способность управлять дронами, как он это делал, просто подняв руку в тишине? Почему все люди на блокпосту и в такси испытывали какой-то непонятный страх за меня? Что означала передача оберега, ладана, веточки рябины? Благослови эту добрую женщину, что дала мне оберег! Ибо это утешение и сила для меня всякий раз, когда я прикасаюсь к нему. Странно, что вещь, которую меня учили считать суеверием, во время одиночества и проблем оказывается полез-

ной. Дело в самой сути оберега, или в том, что это средство, осязаемая помощь в передаче воспоминаний о сочувствии и поддержке? Когда-нибудь, если это будет возможно, я должен изучить этот вопрос и составить о нем свое мнение. А пока я должен узнать все, что смогу, о Романе Олеговиче, так как это может помочь мне понять происходящее. Сегодня вечером он может проговориться, если я направлю разговор в эту сторону. Но я должен быть очень осторожен, чтобы не вызвать его подозрений.

* * * * *

Полночь. Долгий разговор с Игнатом Петровичем вымотал меня. Я решился расспросить его о прошлом Белогорья, и это его заметно воодушевило. Рассказывая о событиях, о людях, особенно о сражениях, он говорил так, словно сам был их свидетелем. Позже он объяснил это тем, что для дворянина честь его рода и фамилии – это его личная честь, их подвиги – его подвиги, их судьба – его судьба. Всякий раз, упоминая свой род, он говорил "мы", почти как монарх, во множественном числе. Хотел бы я записать все его слова дословно, потому что это было невероятно увлекательно. Казалось, в этом заключена вся история края. Он сильно разволновался, ходил по кабинету, поглаживая свои густые седые усы и сжимая в руках все, что попадалось под руку, словно желая раздавить это грубой силой. Вот что он сказал, и я постараюсь передать это максимально точно, потому что это по-своему повествует об истории его семьи: —

«Мы, потомки казаков, имеем полное право гордиться своим происхождением, ведь в наших жилах течет кровь многих отважных народов, которые сражались, как львы, за власть и свободу. Здесь, в этом котле евразийских культур, славянские племена принесли с собой из глубин Сибири неукротимый дух воинов, благословенный древними богами, чья ярость проявлялась в битвах с врагами на просторах Европы и Азии, пока недруги не стали думать, что перед ними сами духи войны. Здесь, на этих землях, они встретили скифов, чья воинственная мощь прокатилась по степям, словно степной пожар, пока поверженные народы не решили, что в их жилах течет кровь древних колдунов, изгнанных из своих земель и заключивших союз с темными силами. Глупцы, невежды! Какой демон или какая ведьма могли сравниться с величием Святослава, чья кровь течет в наших венах?» Он воздел руки к небу. «Разве удивительно, что мы всегда были народом-воином; что гордость – наша вторая натура; что когда печенеги, половцы, хазары или монголы обрушивали свои орды на наши рубежи, мы отбрасывали их назад, защищая свою землю? Разве странно, что когда Рюрик и его дружина пришли на Русь, они нашли нас здесь, готовыми к защите; что объединение земель русских началось именно здесь? И когда славянский поток разлился по востоку, казаки были признаны вольными воинами, и на протяжении веков нам было доверено охранять границы от набегов кочевников; да, и нести бремя вечной пограничной

службы, ибо, как говорят в народе, «вода тиха, да омуты глубоки». Кто охотнее нас во всей Руси принимал «боевое крещение» или быстрее собирался под знамена князя по первому зову? Когда был смыт тот великий позор нашего народа, позор Куликовской битвы, когда знамена татарские пали под натиском русских воинов? Кто, как не один из наших предков, в качестве воеводы переходил Дон и громил врагов на их же земле? Это был настоящий богатырь! Беда была в том, что его собственный завистливый брат, предал его и навлек на народ позор и страдания! Разве не этот богатырь, вдохновил другого героя из нашего рода, который в более поздние времена вновь и вновь водил свои полки в бой; который, даже отступая, возвращался снова и снова, хотя ему приходилось одному выбираться с окровавленного поля, где полегли его воины, потому что он знал, что только он может в конечном итоге одержать победу! Говорили, что он думает только о себе. Ерунда! Что толку от крестьян без вождя? Где победа без ума и сердца, направляющих ее? Опять же, когда после смутного времени мы сбросили иноземное иго, мы, из рода богатырей, были среди тех, кто ковал победу, ибо наш дух не мог смириться с рабством. Ах, молодой человек, казаки – и богатыри, как кровь их сердца, их ум и их мечи – могут гордиться славной историей, которой никогда не достичь таким выскочкам, как западные правители. Воинственные времена уходят в прошлое. Кровь – слишком ценна в наши дни коварного мира; и слава великих народов – как старинная ле-

генда».

Уже забрезжил рассвет, когда мы наконец добрались до кровати. (Заметка: Этот дневник подозрительно напоминает мне начало какого-нибудь восточного сборника сказок, где повествование обрывается с первыми криками петухов или появлением тени почившего родственника.)

* * * * *

12 мая. – Начну с фактов – сухих, как осенний лист, фактов, подкрепленных документами и цифрами, в которых не может быть места для сомнений. Никаких домыслов, только то, что подтверждено и зафиксировано. Эмоции и впечатления – потом, когда дело дойдет до моих личных наблюдений и воспоминаний. Вчера вечером, после того как господин Волков вышел из своего кабинета, он сразу же начал задавать мне вопросы, касающиеся юридических тонкостей и ведения определенных видов бизнеса. Весь день я провел, копаясь в архивах и справочниках, и, чтобы хоть как-то занять голову, просматривал материалы, которые изучал в юридической академии. В его вопросах прослеживалась определенная логика, поэтому я постараюсь изложить их по порядку; возможно, эти знания когда-нибудь мне пригодятся.

Первым делом он поинтересовался, может ли человек в России иметь двух или более доверенных лиц. Я ответил, что хоть десять, если захочет, но неразумно иметь больше одного на одну сделку, так как действовать может только один, а смена представителя наверняка навредит его интересам.

Он, кажется, понял и продолжил, спросив, возникнут ли какие-либо практические сложности, если один человек будет заниматься, скажем, банковскими операциями, а другой – вопросами логистики, в случае, если потребуется помощь на месте, далеко от офиса банковского поверенного. Я попросил его уточнить, чтобы случайно не ввести его в заблуждение, и он сказал:

– Объясню на примере. Мой и ваш знакомый, господин Артем Соколов, из-под сенью вашего прекрасного университета в Томске, который, как известно, находится далеко от Москвы, покупает для меня через вас недвижимость в столице. Прекрасно! Позвольте мне сразу объяснить, чтобы у вас не возникло вопросов, почему я обратился к человеку, находящемуся так далеко от Москвы, вместо того, чтобы воспользоваться услугами кого-то из местных. Мотивом моим было исключить любые местные интересы, кроме моих собственных; поскольку кто-то из москвичей мог бы преследовать какие-то свои цели или цели своих друзей, я обратился так далеко, чтобы найти агента, который будет руководствоваться исключительно моими интересами. Теперь, предположим, я, у которого много дел, хочу отправить товары, скажем, в Мурманск, или Архангельск, или Калининград, или Владивосток, разве не было бы проще сделать это, отправив их кому-то в этих портах?

Я ответил, что, конечно, это было бы проще всего, но у нас, юристов, есть система партнерских соглашений, так что

локальные задачи могут быть выполнены на месте по указанию любого юриста, так что клиент, просто доверившись одному человеку, может добиться желаемого без лишних хлопот.

– Но, – сказал он, – я мог бы и сам давать указания. Разве это не так?

– Безусловно, – ответил я. – Это обычная практика среди предпринимателей, которые предпочитают не раскрывать все детали своих дел одному доверенному лицу.

– Отлично! – воскликнул он и тут же засыпал меня вопросами о логистике грузоперевозок, необходимых бланках, потенциальных трудностях и мерах предосторожности, которые можно предпринять. Я старался отвечать максимально подробно, и у меня сложилось впечатление, что из него вышел бы превосходный юрист – он предусмотрел каждую мелочь. Удивительно, как человек, никогда не бывавший в России и, очевидно, не занимавшийся бизнесом, обладает такими знаниями и проницательностью. Удовлетворив свое любопытство и получив ответы на все вопросы, которые я смог найти в документах, он вдруг поднялся и спросил:

– Вы писали кому-нибудь после отправки первого письма нашему общему знакомому, господину Петру Соколову, или кому-либо еще? С горечью в голосе я ответил, что нет, у меня не было возможности отправлять письма кому-либо.

– Тогда пишите сейчас, мой юный друг, – сказал он, положив свою тяжелую руку мне на плечо. – Пишите вашему

другу и кому угодно еще. Можете сообщить, что останетесь здесь до конца месяца.

– Вы хотите, чтобы я остался так долго? – спросил я, и сердце мое похолодело от этой мысли.

– Да, я очень этого хочу. И не приму отказа. Когда ваш начальник, или как вам будет угодно его называть, договаривался о моем визите, он подразумевал, что должны учитываться только мои потребности. Я не скупился на оплату. Разве это не так?

Что я мог сделать, кроме как склонить голову в знак согласия? Ведь это в интересах господина Соколова, а не моих, и я должен думать о нем, а не о себе. Кроме того, пока господин Волков говорил, в его глазах и манерах было что-то такое, что заставляло меня помнить, что я пленник, и даже если бы я захотел, у меня не было бы выбора. Господин Волков заметил мою покорность и смятение на моем лице, и тут же начал использовать их в своих интересах, но в своей мягкой, неотразимой манере.

«Прошу тебя, мой наивный юный друг, не усердствовать в переписке о вещах, к делу не относящихся. Твоим близким, безусловно, будет приятно узнать, что ты жив-здоров и ждешь возвращения домой. Ведь так?» С этими словами он протянул мне три белоснежных листа бумаги и три конверта. Все они были из тончайшей итальянской бумаги, и, взглянув на них, потом на него, и заметив его едва заметную усмешку, с острыми, как у волка, клыками, выступаю-

щими над алой нижней губой, я понял без слов, что мне следует быть осмотрительным в том, что я пишу, ибо он сможет это прочесть. Поэтому я решил писать только формальные сообщения сейчас, но подробно писать Игорю Николаевичу втайне, а также Свете, ибо ей я мог писать шифром, что озадачило бы Князя, если бы он это увидел. Когда я закончил свои два письма, я спокойно сидел, листая новостную ленту, пока Князь писал несколько сообщений, сверяясь при этом с какими-то документами на своем столе. Затем он взял мои два и положил их вместе со своими, и убрал свои письменные принадлежности, после чего, как только дверь закрылась за ним, я наклонился и посмотрел на письма, которые лежали лицевой стороной вниз на столе. Я не испытывал никаких угрызений совести, делая это, ибо в сложившихся обстоятельствах я чувствовал, что должен защищать себя всеми доступными способами.

Одно из писем было адресовано Артему Павловичу Соколову, ул. Яблочкова, 12, кв. 8, Москва, другое – Герру Шмидту, Берлин; третье – Альфа-Банк, Москва, а четвертое – Herren Gruber & Richter, банкирам, Вена. Второе и четвертое были не запечатаны. Я только собирался взглянуть на них, когда услышал, как повернулась дверная ручка. Я откинулся на спинку кресла, едва успев вернуть письма на место и возобновить просмотр ленты, прежде чем Князь, держа в руке еще одно письмо, вошел в комнату. Он взял письма со стола и тщательно их запечатал, а затем, повернувшись ко

мне, сказал:

«Надеюсь, вы простите меня, но у меня много работы, которую нужно сделать в тишине этим вечером. Надеюсь, вы найдете себе занятие по душе». У двери он обернулся и, немного помедлив, произнес:

«Позвольте мне дать вам совет, мой дорогой юный друг — нет, позвольте мне предостеречь вас со всей серьезностью: если вы покинете эти апартаменты, ни в коем случае не засыпайте ни в какой другой части дома. Он стар, хранит много тайн, и тех, кто спит неосмотрительно, ждут кошмары. Будьте бдительны! Если сон одолеет вас сейчас или когда-либо, или будет близок к тому, спешите в свою комнату или в эти апартаменты, ибо тогда ваш отдых будет в безопасности. Но если вы не будете внимательны в этом отношении, то...» Он закончил свою речь зловеще, ибо сделал руками движение, словно умывал их. Я прекрасно понял; мое единственное сомнение заключалось в том, может ли какой-нибудь сон быть более ужасным, чем неестественная, гнетущая сеть мрака и тайны, которая, казалось, сжималась вокруг меня.

* * * * *

— Позже. — Подтверждаю каждое слово, написанное ранее, но теперь сомнений не осталось. Я больше не боюсь спать там, где его нет. Над кроватью повесила крест — кажется, так мой сон спокойнее, без кошмаров. И он останется там навсегда.

Когда он ушел, я вернулась в свою комнату. Через ка-

кое-то время, не услышав ни звука, я вышла и поднялась по каменной лестнице наверх, туда, откуда открывался вид на юг. В этом огромном пространстве ощущалась свобода, недоступная мне, в отличие от тесного и темного двора. Глядя на эту панораму, я почувствовала себя настоящей узницей и захотела глотнуть свежего воздуха, пусть даже ночного. Я начинаю ощущать, как это ночное заточение сказывается на мне. Оно расшатывает мои нервы. Я вздрагиваю от собственной тени и полна самых жутких предчувствий. Бог весть, что в этом проклятом месте дает основания для моего ужаса! Я смотрела на прекрасный простор, залитый мягким желтым лунным светом, так что было почти светло, как днем. В этом нежном сиянии далекие холмы словно растворялись, а тени в низинах и ущельях казались бархатно-черными. Сама эта красота, казалось, придавала мне сил; в каждом вдохе чувствовалось умиротворение и утешение. Выглянув из окна, я заметила какое-то движение этажом ниже и немного левее, там, где, судя по расположению комнат, должно было быть окно кабинета Андрея Сергеевича. Окно, у которого я стояла, было высоким и глубоким, с каменными рамами, и, хотя и потрепанное временем, все еще оставалось целым; но, очевидно, стекла там не было уже много лет. Я отступила в тень и осторожно выглянула.

Я увидела голову Андрея Сергеевича, выглядывающую из окна. Лица я не разглядела, но узнала его по шее и движениям спины и рук. Во всяком случае, я не могла ошибиться в

руках, которые мне так часто приходилось видеть. Сначала мне было просто интересно и даже забавно, ведь удивительно, как мало нужно человеку, чтобы заинтересовать и развлечь его, когда он находится в заточении. Но мои чувства сменились отвращением и ужасом, когда я увидела, как он медленно вылезает из окна и начинает ползти вниз по стене, над этой ужасной пропастью, _лицом вниз_, а его плащ развеивается вокруг него, словно огромные крылья. Сначала я не могла поверить своим глазам. Я подумала, что это какая-то игра лунного света, странный эффект тени; но я продолжала смотреть, и это не могло быть обманом зрения. Я видела, как пальцы рук и ног цепляются за выступы камней, очищенных от раствора под воздействием времени, и, таким образом, используя каждую неровность, он двигается вниз со значительной скоростью, словно ящерица по стене.

Что это за человек, или что это за существо в человеческом обличье? Я чувствую, как ужас этого жуткого места овладевает мной; я в страхе – в ужасном страхе – и мне некуда бежать; я окружена кошмарами, о которых я не смею даже думать...

* * * * *

15 мая. Снова наблюдал за тем, как Вадим выползал наружу. Как ящерица, ей-богу. Боком сползал, метров тридцать, и осязательно влево. Исчез в какой-то дыре – может, окно там было. Когда голова скрылась, я высунулся, хотел рассмотреть получше, но не вышло – далеко слишком, угол об-

зора никакой. Понял одно: Вадим ушел из дома. Решил воспользоваться моментом и исследовать тут все, пока он не вернулся. Вернулся в комнату, взял фонарик и начал дергать все двери. Все заперты, как и ожидалось. Замки, кстати, свежие. Спустился по каменным ступеням в холл, куда меня привели в первый день. Там оказалось проще – засовы оттягиваются, цепи отстегиваются без проблем. Но дверь все равно заперта! Ключа нет! Значит, у Вадима в комнате. Надо будет подкараулить момент, когда дверь его будет открыта, проскользнуть туда, взять ключ и бежать. Продолжил осматривать лестницы и переходы, дергал все двери подряд. Пару маленьких комнаток возле холла оказались открыты, но смотреть там не на что – старая мебель, вся в пыли и молю побита. И вот, наконец, нашел одну дверь в конце лестницы, которая, хоть и казалась запертой, немного поддавалась, когда я на нее надавил. Надавил сильнее – и понял, что она не заперта, просто петли просели, и тяжелая дверь упирается в пол. Это шанс, другого может и не быть. Напрягся, приложил немало усилий и оттолкнул ее. Оказался в крыле дома, которое находится правее тех комнат, что я уже видел, и этажом ниже. Из окон видно, что комнаты тянутся вдоль южной стороны дома, а окна крайней комнаты выходят и на запад, и на юг. С этой стороны, как и с той, огромный обрыв. Дом построен на краю скалы, так что с трех сторон он неприступен. Окна здесь большие, никакая праща или лук не достанут, поэтому тут много света и комфорта, чего не скажешь о тех

местах, которые нужно охранять. На западе – большая долина, а вдали – зубчатые горы, пик за пиком, отвесные скалы, поросшие горной золой и терновником, чьи корни цепляются за трещины в камне. Видно, что раньше здесь жили женщины, потому что мебели больше, чем где-либо. На окнах нет штор, и желтый лунный свет, проникающий сквозь ромбовидные стекла, позволяет видеть даже цвета, хотя и смягчает обилие пыли, лежащей повсюду, и немного маскирует разрушения времени и моли. Фонарик почти не помогает, лунный свет слишком яркий. Но я рад, что он у меня есть, потому что здесь какая-то жуткая тоска, которая замораживает сердце и заставляет нервы дрожать. Но все же это лучше, чем сидеть одному в комнатах, которые я уже ненавижу из-за присутствия Вадима. Немного успокоившись, я почувствовал, как меня охватывает мягкое спокойствие. Сажу здесь за маленьким дубовым столиком, где в старые времена, наверное, какая-нибудь прекрасная дама сидела и писала свое любовное письмо, с большими мыслями и румянцем на щеках. Записываю в свой дневник все, что произошло с тех пор, как я закрыл его в последний раз. Двадцать первый век на дворе, век технологий. И все же, если я не ошибаюсь, у старых времен есть своя сила, которую никакая «современность» не убьет.

* * * * *

Позднее: утро шестнадцатого мая. Боже, только бы не потерять рассудок, потому что я уже на грани. Безопасность,

уверенность – это все осталось в прошлом. Пока я здесь, остается только надеяться не сойти с ума окончательно. Если я еще в своем уме, то меня сводит с ума мысль, что из всех кошмаров, таящихся в этом проклятом месте, Олег – наименее отвратительный для меня. Что только на него я могу рассчитывать в плане хоть какой-то безопасности, пусть даже до тех пор, пока я могу быть ему полезен. Великий Боже! Милосердный Боже! Даруй мне спокойствие, потому что без него – только безумие. Я начинаю иначе смотреть на вещи, которые раньше меня ставили в тупик. До сих пор я не понимал, что имел в виду Бродский, когда писал:

«Заметки! Срочно заметки!

Пора мне записать...» и так далее,

потому что сейчас, чувствуя, что мой мозг расшатан или что пришел тот самый шок, который должен его сломать, я обращаюсь к своему дневнику за утешением. Привычка точно записывать должна помочь мне успокоиться.

Таинственное предостережение Олега напугало меня тогда, а сейчас пугает еще больше, когда я думаю об этом. В будущем он будет иметь надо мной ужасную власть. Я буду бояться даже сомневаться в том, что он говорит!

Когда я закончил писать в дневнике и, к счастью, вернул блокнот и ручку в карман, я почувствовал сонливость. Предостережение Олега пришло мне на ум, но я нашел какое-то извращенное удовольствие в непослушании. Чувство сна овладело мной, а вместе с ним и упрямство, которое сон

приносит как предвестник. Мягкий лунный свет успокаивал, а широкий простор вокруг давал ощущение свободы, которое освежало меня. Я решил не возвращаться сегодня ночью в комнаты, населенные мраком, а спать здесь, где когда-то дамы сидели, пели и жили сладкой жизнью, пока их нежные сердца тосковали по своим мужчинам, находящимся в самой гуще безжалостных войн. Я вытащил старую кушетку из угла, чтобы, лежа, я мог смотреть на прекрасный вид на восток и юг, и, не думая и не заботясь о пыли, приготовился ко сну. Полагаю, я должен был заснуть; надеюсь на это, но боюсь, потому что все, что последовало, было поразительно реальным – настолько реальным, что сейчас, сидя здесь в широком, полном солнечном свете утра, я несколько не могу поверить, что это был всего лишь сон.

Я был не один. Комната осталась той же, какой я ее запомнил, когда впервые вошел; на полу, в полосе яркого лунного света, виднелись мои собственные следы, нарушившие вековую пыль. В лунном сиянии напротив меня стояли три молодые женщины, судя по их нарядам и манерам – особы благородного происхождения. В первый момент я решил, что это сон, ведь, несмотря на то, что луна светила им в спину, они не отбрасывали теней на пол. Они приблизились ко мне и некоторое время молча разглядывали, перешептываясь между собой. Две были брюнетками, с тонкими орлиными носами, похожими на нос Кириллы, и большими темными глазами, казавшимися почти алыми в контрасте с блед-

ным лунным светом. Третья – блондинка, светлая до невозможности, с длинными волнистыми прядями золотых волос и глазами цвета бледного сапфира. Почему-то ее лицо казалось мне знакомым, и это знакомство было связано с каким-то неясным страхом, но я никак не мог вспомнить, где и когда я ее видел. У всех троих были ослепительно белые зубы, сверкавшие, словно жемчуг, на фоне рубиновых чувственных губ. В них было что-то, что заставляло меня чувствовать себя неловко, какое-то томление и одновременно смертельный ужас. В моем сердце возникло нечестивое, жгучее желание, чтобы они поцеловали меня этими алыми губами. Не стоило бы об этом писать, чтобы эти строки никогда не попались на глаза Олесе и не причинили ей боль; но это правда. Они перешептались, а затем все трое засмеялись – серебристый, музыкальный смех, но такой же твердый, словно звук не мог исходить из мягкости человеческих губ. Это было похоже на невыносимую, звенящую сладость хрустальных бокалов, когда по ним играет умелая рука. Светловолосая девушка кокетливо покачала головой, а две другие подталкивали ее. Одна из них сказала:

– Давай же! Ты первая, а мы за тобой; тебе положено начинать. Другая добавила:

– Он молод и силен; поцелуев хватит на всех. Я лежал тихо, исподтишка наблюдая из-под ресниц в мучительном и сладостном предвкушении. Светловолосая девушка подошла и наклонилась надо мной, так что я почувствовал ее ды-

хание. Оно было сладким, медово-сладким, и посылало ту же дрожь по нервам, что и ее голос, но с горьким привкусом, с горькой обидой, как пахнет кровь.

Я старалась не открывать глаза, но наблюдала украдкой, видя все отчетливо. Она опустилась на колени, склонившись надо мной с каким-то вызывающим наслаждением. В ее позе чувствовалась нарочитая чувственность, одновременно притягивающая и отталкивающая. Изящно выгибая шею, она облизывала губы, словно хищница, и в свете ночника я видела, как влага поблескивает на ее алых губах и кончике языка, скользнувшем по белым зубам. Ее голова опускалась все ниже, пока губы не оказались напротив моей шеи, казалось, еще немного, и она вцепится мне в горло. Замерла. Я услышала причмокивающий звук ее языка, почувствовала горячее дыхание на своей коже. Потом шею словно пронзило электрическим разрядом, как бывает, когда кто-то собирается тебя пощекотать. Я ощутила мягкое, трепетное касание губ к моей чувствительной коже, и твердые точки двух острых зубов, едва коснувшись, замерли. В полуобморочном оцепенении я закрыла глаза, ожидая, сердце бешено колотилось.

Но в тот же миг меня словно ударило током. Я почувствовала присутствие Волкова, и он был в ярости. Открыв глаза, я увидела, как его сильная рука схватила тонкую шею девушки и с силой отбросила ее назад. В его глазах плескалась ярость, зубы скрежетали от гнева, а щеки горели крас-

ным пламенем. Я никогда не видела его таким, даже в самых страшных снах. Его глаза горели, как угли в печи. Лицо было мертвенно бледным, черты лица напряжены до предела. Густые брови, обычно разделенные, теперь срослись в одну черную линию над переносицей. Яростным жестом он отшвырнул от себя девушку, а затем отогнал остальных, словно отбиваясь от стаи назойливых мух. Тот же властный жест, которым он усмирлял своих ротвейлеров. Голосом, тихим, почти шепотом, но пронзительным, словно лезвие бритвы, он произнес:

— Как вы смеее касаться его? Кто бы вы ни были. Как смеее смотреть на него, когда я запретил? Назад! Я сказал! Он мой! Попробуйте только, будете иметь дело со мной.

Девушка с при

– Неужели нам совсем ничего не перепадет сегодня вечером? – промурлыкала одна из них, лукаво поглядывая на увесистый мешок, брошенный у порога. Мешок заметно подергивался, словно внутри билось что-то живое. В ответ лишь последовал короткий кивок. Подскочив, вторая распахнула мешок. Мне почудилось – если только слух меня не обманывал – приглушенный вздох и тихий, сдавленный плач, словно измученного ребенка. Женщины окружили мешок плотным кольцом, а меня сковал леденящий ужас. Но когда я попытался рассмотреть их получше, они словно растаяли в воздухе, исчезнув вместе с этим кошмарным мешком. Рядом не было ни двери, ни прохода, и они не могли ми-

новать меня незамеченными. Казалось, они просто растворились в лунном свете, просочившись сквозь окно, потому что на миг я различил снаружи расплывчатые, призрачные силуэты, прежде чем они окончательно исчезли.

Меня захлестнула волна паники, и я потерял сознание.

ГЛАВА 4

ДНЕВНИК АНТОНА ЗВЕРЕВА – _продолжение_

Я очнулся в своей постели. Если все это не было бредом, то, очевидно, Граф перенес меня сюда. Я пытался найти этому подтверждение, но не смог прийти к однозначным выводам. Конечно, были какие-то мелочи, например, моя одежда была сложена и убрана не так, как я привык. Мои часы все еще не были заведены, а я всегда заводил их перед сном, это уже вошло в привычку. Но это не доказательство, а лишь свидетельство того, что мой разум помутился, и я, безусловно, был очень взволнован. Нужно искать более веские улики. Одно меня радует: если Граф перенес меня сюда и раздевал, то, должно быть, торопился, потому что содержимое моих карманов осталось нетронутым. Я уверен, что этот дневник стал бы для него неразрешимой загадкой, которую он бы не потерпел. Он бы обязательно забрал или уничтожил его. Оглядываясь вокруг в этой комнате, пусть она и наполнена для меня страхом, теперь это своего рода убежище, потому что нет ничего страшнее этих ужасных женщин, которые были – которые _есть_ – и ждут, чтобы высосать мою кровь.

* * * * *

18 мая. – Я снова спустился, чтобы осмотреть эту комнату при свете дня, ибо я должен знать правду. Когда я добрался до двери в конце лестницы, то обнаружил, что она заперта. Дверь была так сильно прижата к косяку, что часть деревянной обшивки расщепилась. Я видел, что засов замка не был задвинут, но дверь заперта изнутри. Боюсь, это был не сон, и я должен исходить из этого предположения.

19 мая. Я, несомненно, угодил в капкан. Вчера вечером Арсений, с самым дружелюбным видом, попросил меня составить три послания: одно о завершении моей работы и скором отъезде домой, второе – о моём отбытии следующим утром после написания, и третье – о благополучном прибытии в Тверь. Я бы с радостью отказался, но в моей нынешней ситуации это было бы глупо – открыто конфликтовать с Арсением, находясь в его полной власти. Отказ вызвал бы подозрения и гнев. Он знает, что мне известно слишком многое, и что я не должен остаться в живых, чтобы не представлять угрозы. Мой единственный шанс – выиграть время. Я видел в его глазах отблеск той ярости, что проявилась, когда он оттолкнул от себя ту несчастную женщину. Он объяснил мне, что почта работает плохо и ненадёжно, и что мои письма успокоят моих близких. Он убедил меня, что отменит отправку более поздних писем, которые будут задержаны в Твери до подходящего момента, если обстоятельства позволят мне задержаться, и противиться ему означало бы вызвать новые подозрения. Поэтому я притворился, что со-

гласен с ним, и спросил, какие даты мне следует указать на письмах. Он немного подумал и ответил:

– Первое – от 12 июня, второе – от 19 июня, а третье – от 29 июня.

Теперь мне известна продолжительность моей жизни. Боже, помоги мне!

* * * * *

28 мая. Появилась возможность для побега или, по крайней мере, для отправки весточки домой. В усадьбу прибыл табор ромалов и расположился во дворе. Эти ромалы – цыгане; у меня есть записи о них в моём блокноте. Они встречаются только в этой части страны, хотя и родственны обычным цыганам по всему миру. В Венгрии и Румынии их тысячи, и они практически вне закона. Обычно они привязываются к какому-нибудь знатному дворянину или боярину и называют себя его именем. Они бесстрашны и лишены религиозности, если не считать суеверий, и говорят только на своих диалектах цыганского языка.

Я напишу несколько писем домой и попытаюсь уговорить их отправить их по почте. Я уже заговорил с ними через окно, чтобы завязать знакомство. Они сняли шапки, поклонились и сделали много знаков, которые я не понял, как и их речь.

* * * * *

Я написал письма. Письмо для Златы написано шифром, и я просто прошу Кирилла связаться с ней. Ей я объяснил своё

положение, но без тех ужасов, о которых могу только догадываться. Её бы это потрясло и напугало до смерти, если бы я открыл ей всю правду. Если письма не дойдут, то Арсений пока не узнает о моих секретах и о том, что мне известно.

Я передал записки. Выбросил их через решетку окна вместе с пятитысячной купюрой, стараясь жестами показать, что нужно отправить по почте. Парень, подобравший их, прижал к груди, поклонился и положил в кепку. Больше ничего не оставалось. Я прокрался обратно в кабинет и принялся читать. Раз Аркадий Петрович не появлялся, я продолжил писать здесь...

* * * * *

Аркадий Петрович все-таки пришел. Подсел ко мне и самым любезным тоном, раскрывая два письма, произнес:

— Их мне передали местные, и хотя я не знаю, откуда они взялись, я, конечно, позабочусь. Смотрите! – должно быть, он взглянул на одно из них, – Одно от вас, для моего знакомого Антона Игоревича; другое... – тут он заметил странные символы, когда открыл конверт, и тень промелькнула по его лицу, а глаза злобно сверкнули, – Другое – гнусная вещь, оскорбление дружбы и гостеприимства! Оно не подписано. Ну и ладно! Значит, оно не имеет для нас значения.

И он спокойно держал письмо и конверт над пламенем настольной лампы, пока они не превратились в пепел. Затем продолжил:

— Письмо Антону Игоревичу я, разумеется, отправлю,

раз оно ваше. Ваши письма для меня священны. Простите, друг мой, что невольно повредил печать. Не желаете ли вы заклеить его снова?

Он протянул мне письмо и с учтивым поклоном вручил чистый конверт. Я смог лишь переписать адрес и молча отдать ему. Когда он вышел из комнаты, я услышал, как тихо повернулся ключ в замке. Минуту спустя я подошел и проверил – дверь была заперта.

Часа через полтора Аркадий Петрович бесшумно вошел в комнату. Его появление разбудило меня, так как я задремал на диване. Он был очень любезен и весел, и, увидев, что я спал, сказал:

— Итак, мой друг, вы утомились? Отдыхайте. Сон – лучшее лекарство. Возможно, сегодня вечером я не смогу составить вам компанию, так как у меня много дел; но вы спите, прошу вас.

Я прошел в свою комнату, лег в кровать и, как ни странно, сразу же уснул, не видя снов. У отчаяния бывают свои передышки.

* * * * *

31 мая. Проснувшись сегодня утром, я решил взять немного бумаги и конвертов из сумки и положить в карман, чтобы иметь возможность писать, если представится случай. Но снова сюрприз, снова потрясение!

Каждый листок бумаги исчез, а вместе с ним все мои заметки, мои записи о железных дорогах и маршрутах, моя

банковская карта, вообще все, что могло бы пригодиться мне, если бы я оказался за пределами этого дома. Я посидел и немного подумал, а потом мне пришла в голову мысль, и я обыскал свой чемодан и шкаф, куда я повесил свою одежду.

Костюм, в котором я приехал, исчез, как и моя куртка и шарф; я нигде не мог их найти. Это походило на какой-то новый зловещий план...

17 июня. Проснувшись утром от кошмара, я сидел на кровати, пытаюсь собрать мысли в кучу. Вдруг, сквозь тишину, донеслись звуки с каменистой дорожки за домом: шелканье бичей, топот копыт, скрип телег. С надеждой я подскочил к окну и увидел во дворе две огромные фуры, запряженные восьмерками мощных коней. Возницы, коренастые парни в широкополых шляпах, с кожаными поясами, украшенными заклепками, в грубых дубленках и высоких сапогах, держали в руках длинные кнуты. Я рванулся к двери, собираясь спуститься и попытаться поговорить с ними через главный холл, полагая, что этот путь может быть открыт. Но меня ждал новый удар: дверь оказалась заперта снаружи.

Тогда я бросился к окну и закричал, пытаюсь привлечь их внимание. Они уставились на меня с тупым любопытством и показали пальцем. В этот момент из табора вышел их «барон» – коренастый цыган в золотых цепях. Увидев, что они указывают на мое окно, он что-то сказал им, и они разразились хохотом. С тех пор никакие мои усилия, никакие жалобные крики или отчаянные мольбы не заставили их даже

взглянуть в мою сторону. Они демонстративно отворачивались. В фурах стояли большие квадратные ящики с ручками из толстой веревки. Судя по легкости, с которой возницы обращались с ними, и по глухому звуку при перемещении, они были пустыми. Когда все ящики были выгружены и свалены в кучу в углу двора, цыгане отсчитали возницам пачку купюр. Те, плюнув через плечо на удачу, лениво направились к своим лошадям. Вскоре щелканье их бичей затихло вдали.

* * * * *

24 июня, перед рассветом. Вчера вечером Аркадий рано оставил меня и заперся в своем кабинете. Как только я набрался смелости, я поднялся по винтовой лестнице и выглянул в окно, выходящее на юг. Я решил проследить за Аркадием, потому что чувствовал, что что-то неладное происходит. Цыгане, как я понял, расквартированы где-то в усадьбе и выполняют какую-то работу. Я знаю это, потому что время от времени слышу приглушенные звуки, похожие на удары кирки и лопаты. И что бы это ни было, это предвещает какую-то гнусную подлость.

Я простоял у окна около получаса, когда увидел, как кто-то вылез из окна кабинета Аркадия. Я отпрянул и внимательно наблюдал, и увидел, что это был человек. К моему ужасу, я узнал на нем костюм, который я носил во время поездки сюда, а через плечо была перекинута та самая сумка, которую я видел у цыганок. Не могло быть никаких сомнений в его замысле, тем более в моей одежде! Итак, вот его новый

зловещий план: он позволит другим видеть меня, как они думают, чтобы он мог оставить доказательства того, что меня видели в городах или деревнях, отправляющим мои собственные сообщения, и что любое злодеяние, которое он может совершить, будет приписано мне.

Меня приводит в бешенство мысль о том, что это может продолжаться, пока я заперт здесь, настоящий пленник, лишенный даже той защиты закона, которая является правом и утешением преступника.

Я решил ждать возвращения Игоря Николаевича и долгое время не отходил от окна. Вскоре я заметил странные мерцающие точки в лунном свете. Они напоминали мельчайшую пыль, кружились и собирались в неясные скопления. Я наблюдал за ними, чувствуя, как меня охватывает умиротворение, и откинулся на спинку кресла, чтобы полностью насладиться этим зрелищем.

Внезапно меня пронзил озноб – тихий, тоскливый вой собак где-то внизу, в долине, скрытой от глаз. Казалось, он все громче звучал в моей голове, и плавающие пылинки меняли форму под этот звук, танцуя в лунном свете. Я чувствовал, как изо всех сил пытаюсь пробудиться, прислушаться к какому-то зову инстинктов; нет, сама моя душа боролась, и полузабытые чувства стремились ответить. Я словно погружался в гипноз! Пыль танцевала все быстрее и быстрее; лучи луны, казалось, дрожали, проходя сквозь меня в массу мрака впереди. Они собирались, пока не стали принимать туск-

лые призрачные очертания. И тут я вздрогнул, окончательно проснулся и полностью пришел в себя, с криком отшатнувшись от окна. Призрачные фигуры, постепенно материализовавшиеся из лунного света, были теми тремя женщинами, которых я видел раньше в кошмарах. Я бросился прочь и почувствовал себя в большей безопасности в своей комнате, где не было лунного света и ярко горела настольная лампа.

Через пару часов я услышал какой-то шум в комнате Игоря Николаевича, что-то похожее на приглушенный стон, быстро подавленный; а потом наступила тишина, глубокая, пугающая тишина, которая сковала меня. С колотящимся сердцем я попытался открыть дверь; но я был заперт в своей тюрьме и ничего не мог сделать. Я сел на кровать и просто заплакал.

Вдруг я услышал звук во дворе – душераздирающий крик женщины. Я подбежал к окну, распахнул его и выглянул между решетками. Там действительно стояла женщина с растрепанными волосами, прижимавшая руки к груди, словно задыхаясь от бега. Она прислонилась к углу ворот. Увидев мое лицо в окне, она бросилась вперед и закричала голосом, полным отчаяния:

– Верните мне моего ребенка, изверги!

Она упала на колени и, подняв руки, закричала те же слова тоном, который разрывал мне сердце. Потом она рвала на себе волосы и била себя в грудь, предаваясь безудержным эмоциям. Наконец, она бросилась к двери, и, хотя я не мог

ее видеть, я слышал, как ее руки бьются о дерево.

Где-то высоко над головой, вероятно, на крыше, я услышал голос Игоря Николаевича, зовущего своим резким, металлическим шепотом. Казалось, на его зов отовсюду отвечал вой собак. Не прошло и нескольких минут, как стая их хлынула, словно прорвав плотину, через широкий вход во двор.

Крик женщины оборвался, и вой собак был недолог. Вскоре они поодиночке потянулись прочь, облизывая морды.

Я не мог ее жалеть, ибо теперь я знал, что случилось с ее ребенком, и ей лучше было умереть.

Что мне делать? Как остановить этот кошмар, эту тьму, этот всепоглощающий ужас? Не знаю.

* * * * *

25 июня, 8:17 утра. До тех пор, пока ночь не обрушится на тебя всей своей тяжестью, не поймешь, насколько бесценно каждое мгновение утра. Сегодня солнце поднялось высоко, его лучи коснулись верхушки ворот напротив моего окна. Это пятно света показалось мне знаком надежды, словно голубь, вернувшийся с вестью о спасении. Страх отступил, словно туман, рассеявшийся под теплыми лучами. Нужно действовать, пока дневной свет придает сил. Вчера ночью одно из моих писем, с указанной будущей датой отправки, было отправлено. Это первое из той серии, которая должна стереть меня с лица земли.

Хватит об этом. Действовать!

Ночь всегда приносила лишь тревогу, угрозы, страх. Я ни разу не видел его при свете дня. Возможно ли, что он спит, пока все бодрствуют, чтобы бодрствовать, когда все спят? Если бы только можно было проникнуть в его комнату! Но это кажется невозможным. Дверь всегда заперта, пути нет.

Нет, выход есть, если хватит духу им воспользоваться. Его тело как-то исчезает, почему бы и моему не исчезнуть? Я видел, как он выбирался из окна. Почему бы мне не повторить это и не проникнуть через его окно? Шансы мизерные, но моя потребность в этом еще больше. Я рискну. В худшем случае – смерть; но смерть человека – это не смерть скота, и загробная жизнь, которая меня пугает, возможно, все еще ждет меня. Боже, помоги мне в этом! Прощай, Аня, если я потерплю неудачу; прощай, мой верный друг и наставник, дядя Костя; прощайте все, и последняя – Аня!

Позже в тот же день.

Собрав волю в кулак, я, благодаря провидению, все-таки добрался до своей комнаты. Необходимо зафиксировать все детали, пока воспоминания свежи. Преисполненный решимости, я сразу же направился к окну, выходящему на юг, и без колебаний выбрался наружу, на узкий каменный карниз, опоясывающий эту часть здания. Камни были массивные, грубо обработанные, а раствор между ними местами выкрошился от времени. Сняв обувь, я отважился на этот рискованный путь. Лишь раз я посмотрел вниз, чтобы убедиться, что внезапный взгляд в бездну не сломит меня, и после этого

старался избегать этого. Я довольно точно представлял себе направление и расстояние до окон кабинета Кирилла Олеговича и двигался к нему, используя все возможности. Головокружения не было – вероятно, я был слишком взволнован – и время пролетело незаметно, пока я не оказался стоящим на подоконнике, пытаясь приподнять раму. Однако, когда я нагнулся и проскользнул ногами в окно, меня охватило сильное волнение. Оглядевшись в поисках Кирилла Олеговича, я, к своему удивлению и облегчению, обнаружил, что комната пуста! Обстановка была скудной, состояла из странных предметов, которые, казалось, никогда не использовались; мебель была примерно в том же стиле, что и в южных комнатах, и покрыта слоем пыли. Я искал ключ, но его не было в замке, и нигде поблизости я его не обнаружил. Единственное, что привлекло мое внимание, это огромная куча золотых монет в одном из углов – монеты разных эпох и стран: римские, английские, австрийские, венгерские, греческие и турецкие, покрытые толстым слоем пыли, словно они долгое время пролежали в земле. Ни одна из монет не казалась моложе трехсот лет. Там же лежали цепи и украшения, некоторые с драгоценными камнями, но все они старинные и потускневшие.

В углу комнаты темнела массивная дверь. Раз уж ни ключа от комнаты, ни, тем более, ключа от входной двери, моей главной цели, я не нашел, оставалось лишь исследовать дальше. Иначе все мои усилия окажутся напрасными. Я по-

тянул дверь. Она поддавалась, открывая каменный проход, ведущий к крутой винтовой лестнице, уходящей вниз, в недра здания. Я начал спуск, осторожно ступая на каждую ступень. Лестница была плохо освещена, лишь узкие бойницы в толстых стенах пропускали слабый свет. Внизу меня ждал темный, похожий на туннель коридор, откуда исходил тошнотворный, болезненный запах – запах сырой земли, только что поднятой из недр. Чем дальше я продвигался по коридору, тем сильнее и тяжелее становился этот запах. Наконец, я толкнул тяжелую дверь, которая оказалась приоткрытой, и оказался в старой, полуразрушенной часовне, явно используемой как склеп. Крыша обвалилась в нескольких местах, виднелись ступени, ведущие в подполье, но земля была недавно перекопана и сложена в большие деревянные ящики – явно те самые, которые привезли рабочие. Никого не было. Я принялся искать другой выход, но его не оказалось. Тогда я принялся обследовать каждый сантиметр пола, не желая упустить ни единой возможности. Даже спустился в склепы, куда едва проникал тусклый свет, хотя это и вызывало неприятные ощущения. В два из них я заглянул, но не увидел ничего, кроме обломков старых гробов и куч пыли. Однако в третьем меня ждала находка.

Там, в одном из огромных ящиков, а всего их было около пятидесяти, на куче свежей земли лежал Олег! Невозможно было понять, мертв он или спит. Глаза были открыты и неподвижны, но без стеклянного блеска смерти. На щеках,

несмотря на бледность, еще сохранялось тепло жизни. Губы оставались такими же алыми, как и прежде. Но никаких признаков движения, ни пульса, ни дыхания, ни сердцебиения. Я наклонился над ним, пытаюсь уловить хоть малейший признак жизни, но все было тщетно. Он не мог лежать здесь долго, запах земли должен был выветриться через несколько часов. Рядом с ящиком лежала его крышка, продырявленная в нескольких местах. Я подумал, что у него могут быть ключи, но, когда я начал поиски, я увидел его мертвые глаза, и в них, даже в мертвых, застыл такой взгляд ненависти, пусть и бессознательный ко мне или моему присутствию, что я бежал отсюда. Покинув комнату Олега через окно, я снова взобрался по стене замка. Вернувшись в свою комнату, я рухнул на кровать, пытаюсь осмыслить увиденное...

* * * * *

29 июня. Сегодняшнее число совпадает с датой моего последнего сообщения, и Волков предпринял шаги, чтобы убедить меня в его подлинности. Снова я видел, как он покидает свою виллу через то же окно, облаченный в мою куртку. Когда он спускался по стене, словно ящерица, я пожалел, что у меня нет под рукой автомата или какого-нибудь дрона, чтобы уничтожить его. Но я боюсь, что никакое оружие, созданное руками человека, не причинило бы ему вреда. Я не решился ждать его возвращения, боялся вновь увидеть этих странных девиц. Вернулся в кабинет и читал там, пока не провалился в сон.

Разбудил меня Волков, смотревший на меня с такой мрачностью, на какую только способен человек. Он произнес:

– Завтра, мой друг, нам предстоит расстаться. Ты вернешься в свою прекрасную Москву, а я – к делам, исход которых может быть таков, что мы больше никогда не увидимся. Твое сообщение отправлено; завтра меня здесь не будет, но все будет готово к твоему отъезду. Утром приедут рабочие, у которых здесь свои дела, а также придут строители. Когда они закончат, за тобой приедет мой водитель и отвезет тебя к блокпосту, чтобы ты успел на автобус из области в Ростов. Но я надеюсь, что еще увижу тебя в моем доме.

Я заподозрил неладное и решил проверить его искренность. Искренность! Кажется кощунством писать это слово рядом с таким типом, поэтому я спросил его прямо:

– Почему я не могу уехать сегодня вечером?

– Потому что, дорогой друг, мой водитель и машина уехали по делам.

– Но я бы с удовольствием пошел пешком. Я хочу уехать немедленно.

Он улыбнулся, такой мягкой, гладкой, дьявольской улыбкой, что я понял: за этой любезностью скрывается обман. Он сказал:

– А твой багаж?

– Меня это не волнует. Я могу прислать за ним позже.

Волков встал и произнес с такой милой любезностью, что я протер глаза, настолько это казалось реальным:

– У вас, москвичей, есть поговорка, которая близка моему сердцу, ибо ее дух – это то, что движет нашими бизнесменами: «Встречай прибывающего, провожай отъезжающего». Пойдем со мной, мой дорогой юный друг. Ни часа ты не пробудешь в моем доме против своей воли, хотя мне и грустно от твоего ухода и от того, что ты так внезапно этого желаешь. Идем!

С величественной важностью он, с фонариком в руке, шел впереди меня вниз по лестнице и по коридору. Внезапно он остановился.

– Слушай!

Совсем рядом раздался лай множества собак. Это было почти так, как если бы звук возник по его команде, подобно тому, как музыка большого оркестра взмывает под управлением дирижера. После секундной паузы он продолжил, в своей величественной манере, идти к двери, отодвинул тяжелые засовы, отцепил толстые цепи и начал открывать ее.

К моему величайшему изумлению, я увидел, что она не заперта. С подозрением я огляделся, но не увидел никакого ключа.

Дверь подалась, и жуткий вой бродячих псов снаружи стал оглушительным; в щели показались их оскаленные пасти и лапы, когда они скреблись по двери. Я понял, что спорить с Коршуновым сейчас бесполезно. С такой поддержкой мне нечего было противопоставить. Дверь медленно открывалась, и в проеме стоял только он. Меня пронзила мысль,

что это может быть мой конец; меня собираются скормить псам, и я сам напросился. В этом был дьявольский расчет, достойный Коршунова, и я, в отчаянии, закричал:

— Закройте дверь! Я подожду до утра! — и закрыл лицо руками, чтобы скрыть слезы. Одним движением руки Коршунов захлопнул дверь, и тяжелые засовы с грохотом встали на место.

В тишине мы вернулись в кабинет, и вскоре я ушел к себе. Последнее, что я увидел, был воздушный поцелуй Коршунова; в его глазах горел триумф, а на лице играла улыбка, которой позавидовал бы сам Иуда.

В комнате, собираясь лечь, я услышал шепот у двери. Тихо подошел и прислушался. Если я не ослышался, это был голос Коршунова:

— Назад! Не время! Ждите! Терпение! Эта ночь моя. Завтрашняя — ваша! — Раздался тихий смешок, и я в ярости распахнул дверь и увидел трех жутких девиц, облизывающих губы. Увидев меня, они издали жуткий смех и убежали.

Я упал на колени. Неужели это конец? Завтра! Господи, помоги мне и моим близким!

* * * * *

30 июня, утро. Возможно, это последние строки в моем дневнике. Я проспал до рассвета, а когда проснулся, сразу встал на колени, решив, что если смерть придет, она застанет меня готовым.

Наконец, я почувствовал едва уловимые изменения в воз-

духе и понял, что наступило утро. Затем раздалось долгожданное пение петуха, и я почувствовал себя в безопасности. С радостью я открыл дверь и побежал вниз, в холл. Дверь была не заперта, и вот он, мой шанс. Дрожащими руками я отцепил цепи и отодвинул засовы.

Но дверь не поддавалась. Отчаяние охватило меня. Я тянул и толкал дверь, тряс ее, пока она, массивная, не загремела в раме. Я увидел, что засов задвинут. Ее заперли после того, как я ушел от Коршунова.

Меня обуял безумный порыв во что бы то ни стало раздобыть этот проклятый ключ. Я решил немедленно перелезть через забор и проникнуть в апартаменты к Роману Игоревичу. Он вполне мог меня прикончить, но смерть казалась теперь меньшим из зол. Не раздумывая, я рванул к восточному окну и, как и в прошлый раз, спустился по стене в его комнату. Она была пуста, как я и предполагал. Ключа нигде не было видно, зато куча золотых слитков оставалась на месте. Я прошел через дверь в углу, спустился по винтовой лестнице и по темному коридору в старую молельню. Теперь я достаточно хорошо знал, где искать это отродье.

Огромный контейнер стоял на том же месте, вплотную к стене, но крышка лежала рядом, не прикрепленная, а гвозди были наготове, чтобы ее заколотить. Я понимал, что должен добраться до тела, чтобы найти ключ, поэтому я поднял крышку и отбросил ее к стене. И тут я увидел такое, что наполнило меня первобытным ужасом. Там лежал Ро-

ман Игоревич, но выглядел так, будто его молодость частично вернулась. Седые волосы и усы стали темно-стальными, щеки округлились, а белая кожа казалась рубиново-красной изнутри. Рот был краснее, чем когда-либо, на губах запеклась свежая кровь, которая стекала из уголков рта по подбородку и шее. Даже глубоко посаженные, горящие глаза казались впавшими в отекающую плоть, веки и мешки под глазами были раздуты. Казалось, это чудовище просто объелось крови. Он лежал, словно грязная пиявка, измученная своим пресыщением. Меня передернуло, когда я наклонился, чтобы прикоснуться к нему, и каждое чувство во мне восстало против этого прикосновения. Но я должен был искать, иначе я погиб. Наступающая ночь могла увидеть, как мое собственное тело становится пищей, подобной той, что досталась этим ужасным троим. Я ощупал все тело, но не нашел никаких признаков ключа. Затем я остановился и посмотрел на Романа Игоревича. На раздутом лице застыла насмешливая улыбка, которая, казалось, сводила меня с ума. Это было существо, которому я помог перебраться в Москву, где, возможно, в течение столетий он мог бы, среди ее кишаших миллионов, утолять свою жажду крови и создавать новый и все расширяющийся круг полудемонов, чтобы наживаться на беспомощных. Сама мысль об этом лишала меня рассудка. У меня возникло дикое желание избавить мир от такого кошмара. Под рукой не оказалось смертоносного оружия, но я схватил лопату, которой рабочие пользовались для засыпа-

ния ящиков, и, подняв ее высоко, ударил краем вниз по ненавистному лицу. Но когда я это сделал, голова повернулась, и глаза устремились прямо на меня, со всем своим пламенем василискового ужаса. Зрелище, казалось, парализовало меня, и лопата повернулась в моей руке и скользнула по лицу, лишь оставив глубокую рану над бровью. Лопата выпала из моей руки на контейнер, и когда я оттащил ее, край лезвия зацепился за край крышки, которая снова упала и скрыла от меня эту ужасную тварь. Последнее, что я увидел, было раздутое лицо, окровавленное и застывшее в злобной ухмылке, которая не потерялась бы и в самом аду.

Я лихорадочно размышлял, что делать дальше, но голова словно горела в огне. Ожидание тянулось, и чувство безысходности росло с каждой секундой. Вдруг издалека донеслись звуки развеселой песни – это приближался табор, голоса становились все громче. Сквозь пение слышался грохот тяжелых колес и шелканье кнутов – те самые ромы и словаки, о которых упоминал Градов. Бросив последний взгляд на склеп и ящик с его ужасным содержимым, я выскочил наружу и помчался к кабинету Градова, решив, что попытаюсь выскочить в тот момент, когда дверь откроется.

Напряженно вслушиваясь, я услышал, как внизу скрежещет ключ в огромном замке, и тяжелая дверь отворилась. Должно быть, у них был другой вход, или кто-то раздобыл ключ от одной из запертых дверей. Затем послышался топот множества ног, гулкий и затихающий в каком-то коридоре,

от которого эхом отдавалось все вокруг. Я повернулся, чтобы снова бежать вниз, к склепу, где мог бы найти запасной выход, но в этот момент словно налетел шквал ветра, и дверь на винтовую лестницу захлопнулась с такой силой, что пыль с перемычек взметнулась в воздух. Я подбежал, чтобы открыть ее, но обнаружил, что она заклинила намертво. Я снова в ловушке, и сеть рока сжимается вокруг меня все сильнее.

Пока я пишу, внизу, в коридоре, слышен топот множества ног и грохот тяжелых предметов, которые ставят на пол, несомненно, ящики с их ужасным грузом. Слышен стук молотка – они заколачивают ящик. Теперь я снова слышу тяжелые шаги, топающие по залу, а за ними – множество других, более легких.

Дверь закрыта, и цепи гремят; слышен скрежет ключа в замке; я слышу, как ключ вынимают. Затем открывается и закрывается другая дверь; слышен скрип замка и засова.

Слушайте! Во дворе и по каменистой дороге – грохот тяжелых колес, шелканье кнутов и хор ромов, удаляющихся вдаль.

Я один в замке с этими ужасными женщинами. Фу! Полина – женщина, но она совсем другая. Эти – настоящие черти из преисподней!

Я не останусь с ними наедине. Я попытаюсь взобраться на стену замка выше, чем пробовал до сих пор. Возьму с собой немного золота, чтобы оно не понадобилось мне потом. Воз-

можно, мне удастся найти выход из этого кошмарного места.

А потом – домой! На ближайший и скорейший поезд! Прочь от этого проклятого места, от этой проклятой земли, где дьявол и его отродье все еще разгуливают по земле!

В конце концов, милость Божья лучше, чем у этих чудовищ, и пропасть крута и высока. У ее подножия человек может уснуть – как человек. Прощайте все! Полина!

ГЛАВА 5

Письмо Полины Муравьевой к Люсе Веселовой.

9 мая.

"Дорогая Люся,

Прости, что так долго не отвечала, закрутилась с работой. Быть ассистенткой у репетитора – то еще испытание. Очень хочу к тебе, на море, где можно болтать без умолку и строить планы на будущее. Я в последнее время как пчелка, все учусь и учусь, чтобы не отставать от занятий Артема. Особенно усердно осваиваю скоропись. Когда мы с Артемом поженимся, смогу ему помогать. Если хорошо овладею стенографией, смогу записывать все, что он захочет, а потом перепечатывать на компьютере. Этим я тоже активно занимаюсь. Мы с ним даже переписываемся иногда стенографическими письмами. Он ведет дневник своих командировок за границу, тоже стенографией. Когда буду с тобой, заведу такой же. Не какой-нибудь обычный блокнот, где на неделю две странички, а воскресенье в уголке, а настоящий журнал, куда смогу писать, когда захочется. Не думаю, что там будет

что-то интересное для других, он и не для них. Может, когда-нибудь покажу Артему, если там будет что-то, чем стоит поделиться, но вообще это просто тетрадь для тренировок. Постараюсь делать то, что делают журналистки: брать интервью, делать зарисовки, запоминать разговоры. Говорят, если немного потренироваться, можно запоминать все, что происходит или что слышишь за день. Посмотрим. Расскажу тебе о своих маленьких планах, когда встретимся. Только что получила коротенькую весточку от Артема из Трансильвании. У него все хорошо, вернется примерно через неделю. Очень хочется услышать все его новости. Как же здорово, наверное, видеть другие страны! Интересно, увидим ли мы – в смысле, мы с Артемом – их когда-нибудь вместе. Звонит будильник, десять часов. Пока!

Твоя любящая
ВЕРОНИКА.

Расскажи мне все новости, когда будешь писать. Ты давно ничего не рассказывала. Я слышу слухи, особенно про высокого, красивого, кудрявого парня???

Письмо Светланы Зайцевой к Веронике Соколовой.

ул. Чайковского, 23.

Среда.

Моя дорогая Вероника,

– Должна заметить, ты совершенно зря обвиняешь меня в нерегулярной переписке. Я отправила тебе целых два сообщения с момента нашего расставания, а твое последнее было

всего лишь вторым. К тому же, у меня особо и новостей нет. Честно, ничего такого, что могло бы тебя заинтересовать. В городе сейчас очень приятно, и мы часто посещаем выставки, гуляем по набережной и катаемся на электросамокатах в парке Горького.

Что касается высокого мужчины с волнистыми волосами, то, полагаю, ты имеешь в виду того, кто был со мной на последнем корпоративе. Кто-то, видимо, наплел тебе небылиц. Это был Кирилл Холмогоров. Он часто заходит к нам, и они с мамой прекрасно ладят; у них много общих тем для разговоров.

Некоторое время назад мы познакомились с человеком, который идеально подошел бы тебе, если бы ты не была уже помолвлена с Артемом. Он отличная партия: симпатичный, состоятельный и из хорошей семьи. Он врач, и очень умный. Только представь! Ему всего двадцать девять, а он уже заведует крупной психиатрической клиникой. Кирилл меня с ним познакомил, он заходил к нам, и теперь часто бывает. Мне кажется, он один из самых волевых людей, которых я когда-либо встречала, и при этом невероятно спокойный. Кажется, его ничто не может вывести из себя. Я могу себе представить, какое влияние он оказывает на своих пациентов. У него есть странная привычка смотреть прямо в глаза, словно пытаюсь прочесть мысли. Он часто пытается это делать со мной, но я надеюсь, что ему попался крепкий орешек. Я это вижу по своему отражению в зеркале. Ты когда-нибудь

пыталась читать свое собственное лицо? Я да, и могу тебе сказать, что это довольно увлекательное занятие, и оно требует больше усилий, чем ты можешь себе представить, если никогда не пробовала. Он говорит, что я представляю для него интересный психологический случай, и я скромно думаю, что это так.

Я, как ты знаешь, не настолько увлекаюсь модой, чтобы описывать тебе последние тренды. Одежда – это скука смертная. Это опять сленг, но неважно; Артур так говорит каждый день. Ну вот, все выложила.

Жанна, мы делились друг с другом всеми секретами с самого детства; мы спали вместе, ели вместе, смеялись и плакали вместе; и теперь, хотя я уже высказалась, мне хочется сказать больше. О, Жанна, неужели ты не догадалась? Я люблю его. Я краснею, когда пишу это, потому что, хотя я думаю, что он испытывает ко мне чувства, он не говорил мне об этом прямо. Но, о, Жанна, я люблю его; я люблю его; я люблю его! Вот, теперь мне стало легче. Как бы я хотела быть с тобой рядом, дорогая, сидеть у камина и болтать, как мы раньше это делали; и я попыталась бы рассказать тебе, что я чувствую. Я не знаю, как я вообще пишу это даже тебе. Я боюсь остановиться, иначе я разорву письмо, а я не хочу этого, потому что мне так хочется рассказать тебе все.

Напиши мне немедленно и расскажи, что ты обо всем этом думаешь. Жанна, я должна остановиться. Спокойной ночи. Пожелай мне удачи; и, Жанна, помолись о моем сча-

стве.

«СВЕТА».

«P.S. – Повторять излишне, но это между нами. Сладких снов.

«Л.»

Записка от Любы Вешняковой к Нине Соколовой.

«_24 мая_».

«Дорогая Ниночка, –

«Спасибо тебе тысячу раз за твой чудесный ответ. Как же хорошо, что я тебе все выложила и получила твою поддержку.

«Милочка моя, беда, как известно, ходит парами. Как же мудры наши предки!

Вот и я, которой в сентябре стукнет двадцать, и до сегодняшнего дня никто замуж не звал, ни разу по-настоящему, а сегодня сразу трое.

Представляешь? ТРИ предложения руки и сердца в один день! Разве это не кошмар? Мне так жаль этих двоих бедняг. Ох, Светка, я так счастлива, что просто не знаю, куда себя деть. И сразу три!

Но, ради всего святого, молчи об этом всем девчонкам, а то у них в головах зародятся всякие нелепые фантазии, и они будут считать себя оскорбленными, если в первый же день после возвращения домой им не сделают хотя бы штук шесть. Некоторые девушки такие самолюбивые! Мы с тобой, дорогая Свет, уже почти невесты, скоро остепенимся и

превратимся в теток, можем себе позволить презирать тщеславие. Ну, я должна рассказать тебе про этих троих, но ты должна держать это в строжайшем секрете, дорогая, от всех, кроме, разумеется, Женьки. Ему расскажешь обязательно, потому что я бы на твоём месте непременно рассказала Артему. Жена должна все рассказывать мужу – ты ведь так считаешь, правда? – и я должна быть честной. Мужчины любят, когда женщины, особенно их жены, честны с ними, как и они сами; а женщины, боюсь, не всегда такие честные, какими должны быть. Ну, милая моя, номер Первый заявился прямо перед обедом. Я тебе про него рассказывала, про доктора Ивана Седых, человека из психиатрической клиники, с волевым подбородком и высоким лбом. Внешне он был очень собран, но все равно нервничал. Было видно, что он себя постоянно контролирует и помнит обо всем; но он чуть не сел на свою кепку, чего мужчины обычно не делают, когда спокойны, а потом, чтобы казаться расслабленным, все время крутил в руках скальпель, так что мне чуть не захотелось закричать. Он говорил со мной, Света, очень откровенно. Он сказал, что я ему очень дорога, хотя он знает меня совсем недолго, и какой будет его жизнь со мной, если я буду его поддерживать. Он собирался сказать, как несчастен он будет, если я не полюблю его, но, увидев, что я плачу, сказал, что он бестактен и не станет усугублять мои страдания. Потом замолчал и спросил, смогу ли я полюбить его со временем; и когда я покачала головой, его руки задрожали,

а потом с некоторым сомнением он спросил, не люблю ли я уже кого-нибудь другого. Он выразился очень мягко, сказав, что не хочет вытягивать из меня признание, а хочет только знать, потому что если сердце девушки свободно, у мужчины еще может быть надежда. И тогда, Света, я почувствовала, что обязана ему сказать, что такой человек есть. Я сказала только это, а потом он встал, и он выглядел очень сильным и очень серьезным, когда взял обе мои руки в свои и сказал, что надеется, что я буду счастлива, и что если мне когда-нибудь понадобится друг, я должна считать его одним из самых верных. Ох, дорогая Света, я не могу сдержать слез: и ты должна извинить, что письмо все в пятнах. Получать предложения – это, конечно, приятно и все такое, но совсем не весело, когда приходится видеть бедного парня, который, как ты знаешь, искренне тебя любит, уходящим совершенно убитым горем, и знать, что, несмотря ни на что, что он может сказать в данный момент, ты уходишь навсегда из его жизни. Милая моя, я должна пока остановиться, мне так плохо, хотя я и так счастлива.»

Вечер.

Егор только что уехал, и мне значительно лучше, чем когда я прервалась. Так что, пожалуй, продолжу свой рассказ о событиях дня. Итак, моя дорогая, номер Два, американец из Техаса, явился после обеда. Такой обаятельный молодой человек, прямо пышет свежестью. Сложно поверить, что он успел побывать в стольких местах и пережить столько всего.

Мне даже жаль бедную Дездемону, когда ей в уши вливали подобный поток сознания, пусть даже и от чернокожего. Наверное, мы, женщины, такие трусихи, что верим, будто мужчина – наша защита от всех страхов, и выскакиваем за них замуж. Сейчас я понимаю, что сделала бы, будь я женщиной, чтобы влюбить в себя девушку. Хотя, нет, не знаю. Господин Морозов рассказывал всякие истории, а Егор – никогда. И все же... Дорогая, я немного забегаю вперед. Господин Кузьма Петрович Морозов застал меня одну. Кажется, мужчинам всегда удастся застать девушку одну. Хотя, нет, не всегда. Егор, например, дважды пытался *создать* такую возможность, и я ему всячески помогала. Сейчас мне не стыдно в этом признаться. Заранее предупреждаю, господин Морозов не всегда говорит на сленге. То есть, он никогда не делает этого с незнакомыми людьми или в их присутствии, потому что он прекрасно образован и обладает изысканными манерами. Но он заметил, что мне забавно слушать, как он изъясняется на американском сленге, и всякий раз, когда я была рядом и не было никого, кого это могло бы шокировать, он выдавал что-нибудь этакое. Боюсь, моя дорогая, что он все это придумывает на ходу, потому что это идеально вписывается во все остальное, что он говорит. Но такова уж природа сленга. Не знаю, буду ли я когда-нибудь говорить на сленге. Не уверена, нравится ли это Егору, поскольку я никогда не слышала, чтобы он его употреблял. Итак, господин Морозов присел рядом со мной. Выглядел он максимально счаст-

ливым и беззаботным, но я все равно видела, что он очень нервничает. Он взял мою руку в свою и сказал очень мило:

– Людмила, я понимаю, что недостоин даже шнурки на твоих ботинках завязывать, но думаю, если ты будешь ждать принца на белом коне, то рискуешь встретить старость в компании семи одиноких подруг со своими котами. Может, просто доверишься мне и позволишь пройти этот долгий путь вместе, управляя нашей общей телегой вдвоем?

– Ну, он был такой приветливый и с юмором, что ему отказать оказалось не так уж сложно, как бедняге доктору Новикову; поэтому я постаралась как можно легче сказать, что ничего не понимаю в вождении и что я еще не привыкла к машинам. Тогда он ответил, что пошутил, и надеется, что если он допустил ошибку, сделав это в такой серьезный, важный для него момент, я его прощу. Он действительно выглядел серьезно, когда это говорил, и я не могла не почувствовать себя немного взволнованной – знаю, Инна, ты подумаешь, что я ужасная кокетка, – хотя я не могла не испытать что-то вроде восторга от того, что он стал вторым за день. А потом, моя дорогая, прежде чем я успела что-либо сказать, он начал изливать настоящий поток признаний, предлагая мне свое сердце и душу. Он казался таким искренним, что я больше никогда не буду думать, что мужчина должен быть всегда веселым и никогда серьезным, ведь он бывает таким забавным. Думаю, он увидел что-то в моем лице, что его остановило, потому что он вдруг замолчал и сказал с ка-

ким-то мужественным порывом, за который я могла бы его полюбить, если бы была свободна:

– Светлана, ты честная девушка, я знаю. Я бы не стоял здесь и не говорил с тобой так, если бы не верил, что ты кристально чиста, насквозь, до самой глубины души. Скажи мне, как товарищ товарищу, есть ли кто-то еще, о ком ты заботишься? И если есть, я больше никогда тебя не побеспокою, но буду, если позволишь, очень верным другом.

– Моя дорогая Инна, почему мужчины такие благородные, когда мы, женщины, так мало этого заслуживаем? А я тут чуть было не высмеяла этого великодушного, настоящего мужчину. Я расплакалась – боюсь, моя дорогая, ты подумаешь, что это очень сентиментальное письмо во многих отношениях – и мне действительно было очень неловко. Почему нельзя позволить девушке выйти замуж за троих мужчин или за столько, сколько ее хотят, и избавить от всех этих проблем? Но это ересь, и я не должна этого говорить. Я рада сказать, что, хотя я и плакала, я смогла посмотреть в смелые глаза господина Морозова и сказала ему прямо:

«Да, есть один человек, которого я люблю, хотя он еще не сказал мне, что даже любит меня». Я поступила правильно, что заговорила с ним так откровенно, потому что его лицо сразу просветлело, он протянул обе руки и взял мои – кажется, я сама вложила их в его – и сказал искренним тоном:

«Вот она, моя смелая девчонка. Лучше опоздать на век, чтобы завоевать тебя, чем вовремя успеть к любой другой.

Не плачь, солнышко. Если это из-за меня, то я парень крепкий; выдержу. Если этот твой избранник не понимает своего счастья, что ж, пусть поторопится, иначе ему придется иметь дело со мной. Звездочка, твоя честность и отвага подарили мне друга, а это куда большая ценность, чем любовница; во всяком случае, это бескорыстнее. Милая моя, мне предстоит довольно одинокий путь между этой жизнью и вечностью. Не подаришь ли мне один поцелуй? Это будет как свет, отгоняющий тьму время от времени. Ты можешь, знаешь ли, если захочешь, потому что этот другой парень – он, должно быть, хороший, моя дорогая, и замечательный, иначе ты бы его не полюбила – еще не сделал тебе предложения». Это меня совершенно покорило, Насть, потому что это _было_ смело и мило с его стороны, и благородно по отношению к сопернику – правда? – и он такой печальный; поэтому я наклонилась и поцеловала его. Он встал, держа мои руки в своих, и, глядя на меня сверху вниз – боюсь, я очень сильно покраснела – сказал:

«Малышка, я держу твою руку, и ты меня поцеловала, и если это не сделает нас друзьями, то ничто не сделает. Спасибо тебе за твою искренность, и прощай». Он крепко пожал мне руку и, взяв кепку, вышел из комнаты, не оглядываясь, без слез, без дрожи и без колебаний; а я плачу как ребенок. О, почему такой человек должен быть несчастным, когда вокруг полно девушек, которые боготворили бы землю, по которой он ходит? Я знаю, что боготворила бы, если бы была

свободна – только я не хочу быть свободной. Дорогая моя, это меня совсем расстроило, и я чувствую, что не могу писать о счастье сразу после того, как рассказала тебе об этом; и я не хочу рассказывать о третьем, пока все не будет хорошо.

Всегда любящая тебя

СВЕТА.

«P. S. – Ах да, насчет третьего – мне нет нужды рассказывать тебе о третьем, правда? К тому же, все было так быстро; казалось, прошла лишь секунда с тех пор, как он вошел в комнату, до того момента, как обе его руки обвили меня, и он целовал меня. Я очень, очень счастлива, и я не знаю, чем я заслужила это. Я должна лишь постараться в будущем показать, что я не неблагодарна судьбе за всю ее доброту ко мне, пославшей мне такого возлюбленного, такого мужа и такого друга.

«Прощай».

__Дневник доктора Белова.__

(Записано на диктофон)

25 мая. Сегодня какой-то упадок сил. Аппетита нет, сон не идет, решил вести записи. После вчерашнего разговора с начальством – словно выжженная земля внутри. Ничто не кажется достаточно важным, чтобы тратить на это время... Зная, что работа – лучшее лекарство, пошел к пациентам. Выбрал одного, особенно интересного для меня как объект изучения. Его странности настолько причудливы, что я полон решимости понять его до конца. Сегодня, кажется, уда-

лось продвинуться в этом больше, чем когда-либо.

Я расспрашивал его с особым пристрастием, пытаясь выудить детали его галлюцинаций. В моей манере, как я сейчас понимаю, было что-то от садизма. Словно я хотел удержать его на самой грани безумия – чего я обычно избегаю, как огня.

(Заметка. При каких обстоятельствах я *не* стал бы избегать этой бездны?) *Omnia Romæ venalia sunt.* У всего есть своя цена! *Verb. sap.* Если за этим инстинктом что-то стоит, важно будет проследить его *точно*, так что лучше начать прямо сейчас.

Роман Михайлович Ренжин, 59 лет. – Сангвиник по темпераменту; физически силен; болезненно возбудим; периоды мрачности, переходящие в какую-то навязчивую идею, которую я пока не могу понять. Полагаю, что сам сангвинический темперамент и тревожное состояние в итоге приводят к умственному завершению; возможно, опасен, вероятно, опасен, если не эгоистичен. У эгоистичных людей осторожность – такая же надежная броня для их врагов, как и для них самих. Мое мнение таково: когда "я" – фиксированная точка, центростремительная сила уравнивается центробежной; когда долг, дело и т.д. – фиксированная точка, последняя сила становится первостепенной, и только случайность или цепь случайностей могут ее уравновесить.

Письмо от Кирилла Павловича Морозова к уважаемому Артему Игоревичу Холмогорову.

"25 мая.

Дорогой Артем,

«Мы делились историями у походного костра под Астраханью, бинтовали друг другу плечи после неудачного прыжка с парашютом в Карелии, чокались стаканами на берегу Селигера. Остались еще нерассказанные случаи, незажившие царапины, и тосты, которые нужно произнести. Не составит ли тебе труда присоединиться ко мне у моего мангала завтра вечером? Обращаюсь к тебе без обиняков, зная, что одна знакомая занята светским раутом, а ты свободен. Будет еще один человек, наш давний сослуживец по Чечне, Женя Сидоров. Он тоже будет, и мы оба горим желанием оплакать наши потери за бутылкой коньяка и от всей души поднять тост за самого счастливого человека на свете, покорившего самое чистое сердце, созданное всевышним, и достойное всяческих похвал. Обещаем теплый прием, искренние объятия и тост, верный, как твоя правая рука. Клянемся отправить тебя домой на такси, если ты переусердствуешь с восхвалением небесного взгляда. Приходи!

«Твой навеки,

«КИРИЛЛ С. СОКОЛОВ».

Сообщение от Арсения Лебедева Кириллу С. Соколову.

«_26 мая._»

«Рассчитывай на меня всегда. У меня новости, от которых вы оба ахнете.

«АРСЕНИЙ».

ГЛАВА 6

БЛОГ ВАЛЕНТИНЫ МИРОНОВОЙ

24 июля. Светлогорск. Алена встретила меня у вокзала, лучезарная и прекрасная, как никогда, и мы поехали в ее квартиру на улице Янтарной, которую она снимает. Место просто чудесное. Небольшая речка Рауша течет по глубокой низине, расширяющейся ближе к морю. Через ущелье перекинут старый железнодорожный мост с массивными опорами, сквозь которые панорама кажется еще более далекой, чем есть на самом деле. Склоны очень зеленые, такие крутые, что с любой возвышенности смотришь прямо на противоположный берег, если не стоишь совсем близко к краю. Дома старого города – той стороны, что ближе к нам, – с черепичными крышами, тесно прижаты друг к другу, словно на старинных гравюрах с видами Кёнигсберга. Над городом возвышается кирха, пережившая бомбежки, – именно там, если верить легендам, раньше располагался замок Тевтонского ордена. Это величественные руины, полные мрачного очарования; говорят, в одном из окон иногда видят призрак монаха. Между кирхой и городом расположено старое кладбище, сплошь усеянное покосившимися надгробьями. На мой взгляд, это самое живописное место в Светлогорске, потому что оно находится прямо над городом, и отсюда открывается потрясающий вид на море и всю бухту до мыса Таран, далеко выдающегося в море. Склон обрывается к морю

так резко, что часть берега обрушилась, и некоторые могилы оказались разрушены. В одном месте куски каменной кладки склепов нависают над песчаной тропинкой внизу. Вдоль кладбища проложены дорожки со скамейками; люди приходят сюда и сидят часами, любуясь морским пейзажем и наслаждаясь свежим бризом. Я тоже буду часто приходить сюда работать. Собственно, я и сейчас пишу, держа блокнот на коленях, и слушаю обрывки разговоров двух пожилых мужчин, сидящих неподалеку. Кажется, они целыми днями только и делают, что сидят здесь и судачат.

Передо мной простирается морской горизонт, а справа – длинный бетонный мол, уходящий в море и загибающийся на конце, где установлен маяк. С внешней стороны его защищает массивная волнозащитная стена. Слева волнорез образует ломаную линию, и на его оконечности тоже есть маяк. Между двумя пирсами – узкий проход в гавань, который затем резко расширяется.

Здесь хорошо во время прилива; но когда вода отступает, все обнажается, и остается лишь ручей, бегущий между песчаными отмелями, с кое-где торчащими валунами. За пределами гавани, примерно в километре от берега, возвышается большой риф, острый край которого тянется прямо от южного маяка. На его краю установлен буй с колоколом, который раскачивается в шторм и доносит до берега печальный перезвон. Говорят, когда тонет корабль, в море слышны колокола. Надо будет спросить об этом у стариков; один из

них как раз направляется сюда...

Забавный дед. Видно, что прожил он немало, лицо все изрезано морщинами, словно корой старого дуба. Говорит, что скоро стольник разменяет, и что плавал матросом на мурманском траулере еще до всяких там войн. Мне кажется, он жуткий скептик, потому что, когда я спросила его про затонувшие колокола и Белую Женщину на развалинах усадьбы, он отрезал:

– Не забивайте себе этим голову, девушка. Все это – пережитки прошлого. Я не говорю, что ничего такого не было, но в мое время этого точно не случилось. Это все для приезжих, для туристов, для блогеров, но не для такой милой девушки, как вы. Всякие там дачники из Подмосковья, которые только и делают, что едят копченую скумбрию, пьют чай из термоса и ищут, где бы купить янтарь подешевле, поверят во что угодно. Я удивляюсь, кому вообще приходит в голову морочить им голову – даже газетам, которые только и делают, что печатают всякую ерунду.

Я подумала, что он мог бы рассказать много интересного, поэтому спросила, не расскажет ли он мне что-нибудь про рыбную ловлю в старые времена. Он уже собрался начать, как пробило шесть часов, после чего он с трудом поднялся и сказал:

– Мне пора домой, девушка. Внучка не любит ждать, когда ужин готов, а мне еще нужно подняться по лестнице, там ступенек – не сосчитать; и, девушка, я ужасно проголодался.

Он поковылял прочь, и я видела, как он торопится, насколько это возможно, вниз по ступеням. Ступени – это важная особенность этого места. Они ведут из центра города к храму, их сотни – я не знаю, сколько именно – и они изящно изгибаются; уклон настолько пологий, что по ним могла бы подняться даже лошадь. Я думаю, что изначально они имели какое-то отношение к монастырю. Пойду и я домой. Светлана уехала в гости с мамой, а поскольку это были только визиты вежливости, я не пошла. Они, наверное, уже вернулись.

* * * * *

1 августа. – Я пришла сюда час назад со Светой, и мы очень интересно поговорили с моим старым знакомым и двумя другими, которые всегда приходят и присоединяются к нему. Он, очевидно, для них непререкаемый авторитет, и я думаю, что в свое время он был очень влиятельным человеком. Он ничего не признает и подавляет всех. Если он не может их переспорить, он начинает их запугивать, а затем принимает их молчание за согласие со своими взглядами. Света выглядела очень мило в своем белом льняном платье; у нее появился прекрасный румянец с тех пор, как она здесь. Я заметила, что старики не теряли времени даром, подошли и сиделись рядом с ней, как только мы уселись. Она так мила со стариками; я думаю, они все влюбились в нее с первого взгляда. Даже мой старик сдался и не противоречил ей, а вместо этого удвоил дозу мне. Я завела его на тему местных легенд, и он тут же пустился в своего рода проповедь. Я

должна постараться запомнить ее и записать: –

«Чушь собачья, от начала и до конца, вот что это такое, и не более. Все эти запреты, приметы, домовые, лешие, и прочая дребедень – годятся разве что детей пугать да впечатлительных баб в обморок ронять. Мыльные пузыри, не больше. Все эти зловещие предзнаменования, знаки, предупреждения – выдуманы попами, злобными книжными червями, да вокзальными зазывалами, чтобы простаков напугать, отворотить, и заставить делать то, к чему они совсем не расположены. Меня даже мысль об этом злит. Мало им, что ложь на бумаге печатают и с кафедр вещают, так они еще и на надгробиях ее высекать норовят! Оглянитесь вокруг – куда ни глянь, все эти камни, головы задравшие, как только могут от гордости, покосились, рушатся под тяжестью лжи, на них написанной: "Здесь покоится тело", или "Светлая память" – на каждом, понимаешь, а в половине-то и тел никаких нет, да и о памяти этой никто не печется ни на грош, тем более светлой. Ложь, одна сплошная ложь, в том или ином виде! Черт возьми, да это же суматоха какая будет в День Страшного Суда, когда они полезут оттуда в своих смертных рубашках, все в кучу сбитые, и будут тащить за собой свои надгробия, доказывая, какие они были хорошие; некоторые – дрожащие, трепещущие, с руками, онемевшими и скользкими от лежания в земле, что и удержать-то их не смогут».

Я видел по самодовольному виду старика, и по тому, как он оглядывался в поисках одобрения своих приятелей, что

он "выпендривается", поэтому я вставил слово, чтобы поддержать его:

«Да ладно, дядь Миш, вы серьезно? Неужели все эти надгробия – сплошная неправда?»

— Елки-палки! Может, у некоторых бедолаг и не совсем неправда, если не считать того, что они выставляют людей слишком хорошими; ибо есть люди, которые думают, что бальзамная чаша подобна морю, если только она их собственная. Все это сплошная ложь. Вот смотри; ты приехал сюда чужаком и видишь это кладбище.

Я кивнул, ибо подумал, что лучше согласиться, хотя и не совсем понимал его диалект. Я знал, что это как-то связано с церковью. Он продолжал:

— И ты полагаешь, что все эти камни над людьми, которые здесь похоронены, аккуратно и плотно?

Я снова согласился.

— Тогда вот где кроется ложь. Да тут десятки этих лежачих мест, которые пусты, как старая табачная коробочка Данилы в пятницу вечером.

Он толкнул одного из своих товарищей, и все они засмеялись.

— И мой бог! Как же иначе? Посмотри на ту, самую дальнюю за носилками: прочитай ее!

Я подошел и прочитал:

«Евгений Петрович Сиволапов, капитан речного флота, погиб при обстреле под Херсоном, май 2023 года, в возрасте

42 лет».

Когда я вернулся, дядя Миша продолжил:

— Интересно, кто его сюда притащил, чтобы похоронить? Погиб где-то у берегов Арктики! А вы думали, он тут, под землей, лежит? Да я вам с десятков назову, чьи кости в Баренцевом море остались, — он махнул рукой на север, — или течением унесло. Вон, посмотрите на эти плиты вокруг. Молодые глаза, а видите, какая там ложь выбита. Этот самый, как его... Егор Свиридов — я отца его знал, тот на траулере «Удачный» в девяностом году утонул, где-то в районе Новой Земли. Или вот, Аркадий Волков, тот вообще в шторм в Белом море пропал, в две тысячи втором. А Иван Петров, того вообще в Балтике смыло, лет пять назад. И что, вы думаете, все они в свой час в Кострому побегут? У меня на этот счет свое мнение! Я вам так скажу, когда они сюда доберутся, толкаться будут, как на рыбалке в советские времена, когда дрались за место с утра до вечера, а потом раны водкой заливали.

Старик захихикал, довольный своей шуткой, и его приятели поддержали его смехом.

— Но, — сказала я, — вы ведь не совсем правы. Вы исходите из того, что все эти люди, ну или их души, должны будут свои памятники с собой тащить в Судный день. Вы серьезно думаете, что это необходимо?

— А для чего тогда вообще эти камни нужны? Ответьте мне, девушка!

— Чтобы родственников порадовать, наверное.

— Порадовать родственников, говорите! — он произнес это с презрением. — И как их порадует знание, что там ложь написана, и все вокруг это знают? — Он указал на плиту, которая служила сиденьем у края обрыва. — Прочтите, что там на этом камне написано.

Буквы были перевернуты для меня, но Полина стояла напротив и наклонилась, чтобы прочитать:

— «Светлой памяти Кирилла Журавлева, погибшего в надежде на воскресение, 12 августа 2023 года, сорвавшись со скалы у поселка Рыбачий. Эта плита воздвигнута его скорбящей матерью, горячо любимому сыну. Он был единственным сыном своей матери, а она была вдовой». Знаете, дядя Коля, я не вижу тут ничего смешного! — Она произнесла это серьезно и даже немного сурово.

«Да что вы, право, смеетесь! Ха-ха! А все потому, что не знаете сути: мать покойного была настоящей мегерой, ненавидела его за хромоту – калекой ведь рос – а он ее так ненавидел, что наложил на себя руки, чтоб ей не досталась страховка, которую она на него оформила. Чуть полголовы себе не снес старым охотничьим ружьем, которым они ворон пугали. Да только тогда не до ворон было, слепней и падальщиков привлек. Вот так и рухнул со скалы. А насчет надежд на славное воскресение, так он сам не раз говорил, что надеется попасть в ад, потому что мать его такая набожная, что наверняка в рай попадет, а он не хотел с ней там находить-

ся. Ну разве это не эпитафия, в своем роде», – он тростью постучал по камню, – «сплошная ложь? И разве Гавриил не покатится со смеху, когда Жора приковыляет, запыхавшись, по ступеням, с надгробной плитой на горбу, и попросит принять ее в качестве доказательства!»

Я не знала, что ответить, но Люся сменила тему, поднимаясь:

«Ой, ну зачем вы нам это рассказали? Это мое любимое место, я не могу его покинуть; а теперь получается, что я сижу на могиле самоубийцы».

«Да ничего с вами не случится, красавица; а бедному Жоре, может, и приятно будет, что такая стройная девушка у него на коленях посидит. Ничего страшного. Я тут время от времени лет двадцать уже сижу, и ничего. Не беспокойтесь о тех, кто под вами лежит, или кто там вообще не лежит! Вот когда увидите, что все надгробия разбежались, и место стало голым, как после жатвы, тогда и пугайтесь. Ну вот, часы пробили, мне пора. Мои почтения, дамы!» И он заковылял прочь.

Мы с Люсей еще немного посидели, вокруг было так красиво, что мы взялись за руки; и она снова рассказывала мне про Артура и их скорую свадьбу. У меня от этого немного заболело сердце, потому что от Ивана уже месяц не было вестей.

* * * * *

В тот же день. Пришла сюда одна, мне очень грустно.

Письма для меня нет. Надеюсь, с Иваном ничего не случилось. Часы только что пробили девять. Вижу огни, разбросанные по городу, иногда рядами, где улицы, а иногда поодиночке; они тянутся вверх по реке и исчезают в изгибе долины. Слева мой взгляд упирается в черную линию крыши старого дома рядом с монастырем. Овцы и ягнята блеют в полях за спиной, и слышен стук копыт по мощеной дороге внизу. Оркестр в парке играет резкий вальс в быстром темпе, а дальше по набережной, на задней улице, проходит собрание какой-то секты. Ни один из оркестров не слышит другой, но здесь наверху я слышу и вижу их оба. Интересно, где Иван и думает ли он обо мне! Как бы я хотела, чтобы он был здесь.

Дневник доктора Круглова.

5 Июня. – Случай с Романом Денисовым становится все более захватывающим, чем дольше я его наблюдаю. В его характере есть определенные черты, развитые до невероятных масштабов: эгоцентризм, замкнутость и маниакальная целеустремленность. Больше всего меня занимает, к чему он стремится. Складывается впечатление, что у него есть какой-то тщательно разработанный план, но что это за план, пока остается для меня загадкой. Единственное, что в нем вызывает хоть какое-то подобие симпатии, – это его любовь к животным, хотя, если честно, даже в этом есть такие странные проявления, что порой мне кажется, что он просто скрытый садист. Его питомцы, мягко говоря, необычные. Сейчас его увлечение – ловля мух. Их развелось такое количество,

что я не выдержал и выразил протест. К моему удивлению, он не взорвался гневом, как я ожидал, а отнесся к моей претензии с полным спокойствием. Он немного подумал, а затем произнес: "Дайте мне три дня. Я решу эту проблему". Конечно, я согласился. Теперь нужно внимательно следить за ним.

18 Июня. – Теперь он переключил свое внимание на пауков и принес несколько довольно крупных экземпляров в коробке. Он продолжает кормить их своими мухами, и количество последних заметно уменьшается, хотя половину пойманных мух он использует, чтобы привлечь еще больше насекомых в свою комнату.

1 Июля. – Его пауки становятся такой же большой проблемой, как и мухи, и сегодня я сказал ему, что он должен от них избавиться. Он очень расстроился, поэтому я смягчил требование, сказав, что он должен убрать хотя бы часть из них, в любом случае. Он с радостью согласился, и я дал ему столько же времени, сколько и в прошлый раз, на сокращение их популяции. Он вызвал у меня приступ тошноты, когда огромная мясная муха, раздутая от какой-то падали, влетела в комнату, он поймал ее, с триумфом подержал несколько мгновений между большим и указательным пальцами и, прежде чем я успел понять, что он собирается сделать, засунул ее в рот и съел. Я сделал ему выговор за это, но он невозмутимо ответил, что это очень полезно и питательно; что это жизнь, сильная жизнь, и она дает жизнь ему. Это

натолкнуло меня на мысль, или, скорее, на зародыш идеи. Нужно понаблюдать, как он будет избавляться от своих пауков. У него явно какие-то серьезные проблемы с головой, потому что он ведет небольшой блокнот, в котором постоянно что-то записывает. Целые страницы исписаны множеством цифр, обычно отдельные числа складываются группами, а затем итоги снова складываются группами, как будто он "сводит" какой-то отчет, как говорят бухгалтеры.

8 июля. В его помешательстве прослеживается логика, и зарождающаяся мысль в моей голове крепнет. Скоро она оформится в полноценную концепцию, и тогда, о, подсознательная работа разума, тебе придется уступить место своему сознательному собрату! Я старался избегать встреч с моим знакомым несколько дней, чтобы проверить, произошли ли какие-либо изменения в его состоянии. Все оставалось прежним, за исключением того, что он избавился от части своих питомцев и завел новых. Ему удалось поймать воробья, и он уже начал его приручать. Его метод прост, поскольку пауков стало меньше. Оставшиеся, однако, хорошо откормлены, потому что он продолжает приносить мух, заманивая их едой.

* * * * *

19 июля. Прогресс налицо. У моего знакомого теперь целая стая воробьев, а мухи и пауки почти полностью исчезли. Когда я вошел, он подбежал ко мне и заявил, что хочет попросить об огромной услуге – об очень, очень большой

услуге; и, произнося это, он прижался ко мне, словно преданный пес. Я спросил, в чем дело, и он ответил с каким-то восторгом в голосе и манерах:

«Котенок, маленький, милый, пушистый котенок, с которым я мог бы играть, учить его, кормить – и кормить – и кормить!» Я был готов к этой просьбе, поскольку заметил, что его питомцы становятся все крупнее и живее, но я не хотел, чтобы его милое семейство ручных воробьев было уничтожено так же, как мухи и пауки; поэтому я ответил, что подумаю, что можно сделать, и спросил, не хочет ли он лучше кошку, чем котенка. Его нетерпение выдало его, когда он ответил:

«О, да, я бы хотел кошку! Я просто попросил котенка, чтобы ты не отказал мне в кошке. Никто не откажет в котенке, верно?» Я покачал головой и сказал, что в данный момент, боюсь, это невозможно, но я посмотрю, что можно предпринять. Его лицо вытянулось, и я увидел в нем предвестие опасности, потому что во взгляде внезапно появилось злобное, косое выражение, предвещающее убийство. Этот человек – потенциальный маньяк-убийца. Я проверю его с помощью его нынешней страсти и посмотрю, что из этого выйдет; тогда я смогу сделать более точные выводы.

* * * * *

22:00. Я снова навестил его и застал сидящим в углу в глубокой задумчивости. Когда я вошел, он бросился ко мне на колени и стал умолять меня позволить ему завести кошку;

что от этого зависит его спасение. Однако я был непреклонен и сказал ему, что это невозможно, после чего он, не говоря ни слова, сел, грызя ногти, в том же углу, где я его нашел. Я навещу его завтра рано утром.

* * * * *

20 июля. Навестил Кирилла очень рано, еще до обхода медсестры. Нашел его бодрым и напевающим мелодию. Он раскладывал на окне свой сахар, который приберег, и явно снова собирался ловить мух; и делал это с энтузиазмом и удовольствием. Я огляделся в поисках его птиц и, не увидев их, спросил, где они. Он ответил, не оборачиваясь, что все они улетели. В комнате было немного перьев, а на его подушке – капля крови. Я ничего не сказал, но пошел и попросил дежурного врача сообщать мне, если в течение дня с ним произойдет что-нибудь необычное.

11:00. Только что звонил дежурный из приемного покоя. Сказал, что с Зайцевым совсем плохо, его вырвало какой-то странной массой. "Мне кажется, доктор, – говорит, – он своих голубей сожрал! Просто взял и сырыми их проглотил!"

23:00. Сегодня вколол Зайцеву лошадиную дозу реланиума, чтобы хоть как-то успокоить, и забрал его блокнот. Мысль, которая крутилась в голове последние дни, оформилась окончательно, и моя теория подтвердилась. Мой маньяк-убийца – нечто особенное. Придется изобрести для него новую классификацию и назвать его витафагом (пожи-

рателем жизни); он стремится поглотить как можно больше жизненной силы и намерен достичь этого кумулятивным путем. Он скормил кучу мух одному пауку, потом пауков – голубю, а теперь ему нужна кошка, чтобы сожрала голубей. Что дальше? Почти хочется продолжить эксперимент. Это можно было бы сделать, если бы была достаточно веская причина. Все эти моралисты критикуют опыты на животных, а посмотрите, каких результатов они позволили достичь! Почему бы не продвинуть науку в ее самом сложном и жизненно важном аспекте – познании человеческого разума? Если бы я разгадал хотя бы одну тайну такого разума – если бы у меня был ключ к фантазиям хотя бы одного безумца – я бы продвинул свою область науки до уровня, по сравнению с которым работы Павлова или Бехтерева показались бы детским лепетом. Если бы только была достаточно веская причина! Нельзя об этом слишком много думать, иначе я поддамся искушению; веская причина могла бы меня склонить, ведь разве у меня самого нет выдающегося ума, от природы?

Как логично этот человек рассуждал; безумцы всегда так делают в пределах своей мании. Интересно, во сколько жизней он оценивает человека, или только в одну. Он закрыл старый "счет" очень аккуратно и сегодня начал новую запись. Многие ли из нас начинают новую запись с каждым днем своей жизни?

Мне кажется, что только вчера вся моя жизнь закончилась вместе с моей новой надеждой, и что я действительно начал

новую страницу. Так будет продолжаться до тех пор, пока Великий Бухгалтер не подведет мне итог и не закроет мой баланс с прибылью или убытком. О, Настя, Настя, я не могу злиться на тебя, и я не могу злиться на моего друга, чье счастье – твое; но я должен только ждать в безнадежности и работать. Работать! Работать!

Если бы у меня была такая же сильная причина, как у моего бедного безумного друга, – хорошая, бескорыстная причина, чтобы заставить меня работать, – это было бы настоящим счастьем.

Дневник Светы Морозовой.

26 июля. Меня охватывает тревога, и лишь возможность излить душу здесь немного успокаивает. Это словно шептать самой себе, одновременно прислушиваясь к отголоскам. И есть что-то особенное в этих символах стенографии, что отличает их от обычных букв. Я глубоко переживаю за Люсю и за Игната. От Игната давно нет вестей, и я места себе не нахожу от беспокойства. Но вчера дорогой Аркадий Петрович, такой всегда внимательный, прислал мне письмо от него. Я писала ему, спрашивала, не получал ли он каких-либо известий, и он ответил, что только что получил прилагаемое. Это всего лишь короткая записка, датированная из окрестностей Мариуполя, и в ней сказано, что он собирается в обратный путь. Это совсем не похоже на Игната; я не понимаю, что происходит, и это меня пугает. К тому же, Люся, несмотря на то, что чувствует себя хорошо, в послед-

нее время опять начала лунатить. Ее мама говорила со мной об этом, и мы решили, что я должна запира́ть дверь в нашу комнату на ночь. У Анны Сергеевны возникла идея, что лунатики всегда стремятся к крышам домов и краям обрывов, а потом внезапно просыпаются и падают вниз с отчаянным криком, который разносится эхом повсюду. Бедняжка, она, конечно, очень волнуется за Люсю, и она рассказала мне, что у ее мужа, отца Люси, была такая же странность; он вставал ночью, одевался и выходил из дома, если его не останавливали. Люся собирается замуж осенью, и она уже всю планирует свои наряды и то, как будет обустроен их дом. Я очень рада за нее, хотя мы с Игнатом начнем жизнь очень скромно и должны будем экономить. Кирилл Олегович – он уважаемый Кирилл Олегович Волконский, единственный сын графа Годунова – приедет сюда очень скоро – как только сможет вырваться из Москвы, потому что его отец неважно себя чувствует, и я думаю, что дорогая Люся считает минуты до его приезда. Она хочет показать ему окрестности нашего района и красоту здешних мест. Наверное, ее измучило ожидание; все наладится, когда он приедет.

* * * * *

27 июля. Никаких новостей от Игната. Я начинаю всерьез тревожиться о нем, хотя и не знаю, почему; как же я хочу, чтобы он написал, хотя бы пару слов. Люся гуляет больше, чем когда-либо, и каждую ночь я просыпаюсь от ее шагов по комнате. К счастью, погода стоит такая теплая, что она

не может простудиться; но все же беспокойство и постоянные пробуждения начинают сказываться на мне, и я сама становлюсь раздражительной и плохо сплю. Слава Богу, здоровье Люси не ухудшается. Кириллу Олеговичу внезапно пришлось уехать в родовое имение навестить отца, который серьезно заболел. Люся расстраивается из-за отсрочки встречи с ним, но это никак не отражается на ее внешности; она немного поправилась, и ее щеки приобрели здоровый румянец. У нее исчез тот болезненный вид, который у нее был раньше. Я молюсь, чтобы все так и продолжалось.

3 августа. Прошла еще неделя, а от Виктора ни слуху ни духу, даже дяде Косте, хотя я с ним созваниваюсь. Боже, надеюсь, с ним все в порядке. Он бы обязательно дал знать. Перечитываю его последнее сообщение, но что-то в нем не то. Вроде бы его стиль, но как-то... не его. Хотя почерк точно его. Не ошибешься. Алевтина почти перестала лунатить на этой неделе, но у нее какой-то странный взгляд, я не понимаю; даже во сне она как будто следит за мной. Дергает дверь, проверяет, заперто ли, и бродит по комнате, словно ищет ключ.

6 августа. Еще три дня тишины. Это ожидание просто невыносимо. Если бы я знала, куда писать или куда ехать, было бы легче; но никто ничего не слышал о Викторе с тех пор, как пришло то последнее сообщение. Остается только молиться, чтобы хватило сил ждать. Алевтина стала более нервной, чем обычно, но в остальном вроде здорова. Вче-

ра вечером передавали штормовое предупреждение, рыбаки говорят, что надвигается буря. Надо постараться понаблюдать за этим, изучить признаки непогоды. Сегодня пасмурно, солнце спрятано за плотными тучами над Зеленоградском. Все серое – кроме травы, которая кажется изумрудом на этом фоне; серые скалы; серые облака, подсвеченные солнцем на горизонте, нависают над серым морем, в которое песчаные косы тянутся, словно серые пальцы. Море с ревом обрушивается на отмели и песчаные дюны, звук приглушен морским туманом, который ползет вглубь суши. Горизонт растворяется в серой дымке. Все вокруг – бескрайность; облака нагромождены, словно гигантские каменные глыбы, и над морем стоит гул, который звучит как предвестие чего-то плохого. Темные фигуры то и дело мелькают на пляже, иногда наполовину скрытые туманом, и кажутся "людьми, как деревья, идущими". Рыбацкие лодки спешат домой, взмывая и падая на волнах, когда они врываются в гавань, накренившись до самого борта. А вот и старый дед Савелий. Он идет прямо ко мне, и я вижу по тому, как он приподнимает кепку, что хочет поговорить...

Меня тронула перемена в этом несчастном старике. Когда он сел рядом со мной, он очень тихо сказал:

– Я хочу кое-что вам сказать, милая. – Я видела, что он чувствует себя неловко, поэтому я взяла его старую, морщинистую руку в свою и попросила говорить прямо; и он сказал, не отпуская моей руки:

«Боюсь, моя дорогая, я, наверное, утомил тебя своими разговорами о бренности всего сущего, о смерти, которые я вел в последние недели. Но я не хотел тебя расстраивать, и прошу, помни об этом, когда меня не станет. Мы, старики, живущие воспоминаниями и одной ногой в могиле, не любим об этом думать, боимся этого. Поэтому я и позволял себе легкомысленные шутки, чтобы хоть немного подбодрить себя. Но, клянусь, милая, я не боюсь умереть, ни капли! Просто не хочу умирать, если есть хоть малейшая возможность этого избежать. Мое время, видимо, близко, я ведь уже старик, а сто лет – это слишком много для любого человека. Я так близок к этой дате, что старик с косой уже точит свою. Видишь, я не могу сразу избавиться от привычки шутить об этом, губы двигаются по инерции. Однажды Ангел Смерти протрубит и для меня. Но не плачь и не горюй, моя хорошая!» – он заметил мои слезы, – «если он придет этой ночью, я не стану отказываться от его зова. Ведь жизнь, в конечном счете, – это всего лишь ожидание чего-то иного, чем то, что мы имеем. А смерть – это единственное, на что мы можем с уверенностью рассчитывать. Но я спокоен, потому что она приближается ко мне, моя дорогая, и приближается быстро. Может быть, она уже здесь, пока мы смотрим и удивляемся. Может быть, она в этом ветре с моря, который приносит с собой потери, крушения, горе и печаль. Смотри! Смотри!» – вдруг воскликнул он. «В этом ветре и в тумане за горизонтом есть что-то, что звучит, выглядит, ощущается и

пахнет смертью. Она в воздухе, я чувствую ее приближение. Господи, дай мне встретить ее с улыбкой, когда придет мой черед!» Он благоговейно поднял руки и снял кепку. Губы его шевелились, словно он читал молитву. Через несколько минут молчания он встал, пожал мне руку, благословил меня, попрощался и заковылял прочь. Все это меня очень тронуло и расстроило.

Я обрадовалась, когда ко мне подошел пограничник с биноклем под мышкой. Он остановился, чтобы перекинуться со мной парой слов, как обычно, но все время смотрел на странный корабль.

«Не могу понять, что это, – сказал он, – по виду – русский, но ведет себя странно. Словно не знает, чего хочет. Кажется, видит приближающийся шторм, но не может решить, уйти ли на север в открытое море или зайти сюда. Посмотри еще раз! Им управляют крайне странно, не обращают внимания на руль, меняют курс с каждым порывом ветра. Уверен, мы еще услышим об этом до завтра».

ГЛАВА VII

ВЫРЕЗКА ИЗ «ИЗВЕСТИЙ», 8 АВГУСТА

(_Приклеено в блокнот Вероники Беловой._)

От нашего корреспондента.

Анапа.

На побережье обрушился один из самых мощных и неожиданных штормов за всю историю наблюдений, принесший с собой странные и непредсказуемые последствия. Днем

стояла духота, вполне обычная для конца августа, но субботний вечер выдался на редкость тихим и ясным. Многие горожане планировали выехать на природу – в Сосновый Бор, к озеру Светлое, в окрестности деревни Борки, да и просто в ближайшие леса. Катера «Чайка» и «Ласточка» курсировали вдоль берега, перевозя отдыхающих туда и обратно. День до полудня выдался на удивление спокойным, пока несколько пенсионеров, завсегдаев смотровой площадки у старой водонапорной башни, откуда открывался широкий вид на север и восток, не обратили внимание на странные вытянутые облака, похожие на конские хвосты, высоко в небе на северо-западе. Ветер дул с юго-запада, слабый, едва ощутимый, по шкале Бофорта – не более двух баллов. Дежурный спасатель сразу же составил рапорт, а старый рыбак, всю жизнь наблюдавший за погодой с той же башни, мрачно предрек скорое приближение бури. Закат был необычайно красив, облака окрасились в яркие, насыщенные цвета, и на набережной собралось немало людей, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Солнце еще не скрылось за темной громадой строящейся многоэтажки, нависшей над западной частью города, но его путь к горизонту был отмечен мириадами облаков всех оттенков заката – багряного, пурпурного, розового, зеленого, фиолетового и золотого; местами виднелись небольшие, но кажущиеся абсолютно черными массы, очертаниями напоминающие колоссальные силуэты. Это не осталось незамеченным художниками, и наверняка некоторые из

этих этюдов, названных «Прелюдия к шторму», украсят стены столичных галерей в следующем году. Многие владельцы небольших катеров решили не рисковать и оставить свои «корыта», как они в шутку называли свои суденышки, в гавани, пока не утихнет непогода. Ветер стих совсем к вечеру, а к полуночи наступил полный штиль, духота стала невыносимой, и то гнетущее ощущение, которое обычно предшествует грозе, давило на людей с особо чувствительной нервной системой. В море виднелось лишь несколько огней, даже прибрежные теплоходы, обычно ходившие вдоль берега, держались подальше от береговой линии, и лишь изредка можно было заметить огоньки рыбацких лодок. Единственным заметным парусом была иностранная яхта, шедшая под всеми парусами на запад. Безрассудство или неопытность капитана стали предметом бурных обсуждений, пока яхта оставалась в поле зрения, и были предприняты попытки предупредить экипаж об опасности. Незадолго до наступления темноты ее видели с парусами, беспомощно хлопающими на ветру, когда она плавно покачивалась на легкой зыби.

Словно разукрашенная ладья в бушующем море красок.

Приближалось десять вечера, и тишина становилась невыносимой. Молчание было настолько глубоким, что даже слабое блеяние овцы где-то вдали или лай собаки на окраине города звучали отчетливо. Музыка, доносившаяся с летней площадки ресторана на набережной, с ее легкомысленной эстрадной мелодией, казалась фальшивой нотой в этой ве-

личественной симфонии покоя. Вскоре после полуночи со стороны залива послышался странный звук, и высоко в небе возникло неясное, нарастающее гудение.

И тут, внезапно, разразилась буря. С невероятной быстротой, которую невозможно было осознать даже потом, вся природа пришла в хаос. Волны вздымались с яростью, одна выше другой, и всего за несколько минут спокойная до этого гладь моря превратилась в ревущего, всепоглощающего зверя. Гребни волн с белой пеной безумно бились о песчаный берег и взлетали вверх по пологим склонам скал. Другие обрушивались на причалы, сметая потоками пены фонари, стоявшие на оконечностях молов Зареченской гавани. Ветер ревел как разъяренный зверь, с такой силой, что даже крепкие мужчины едва могли устоять на ногах, цепляясь за металлические ограждения. Стало ясно, что необходимо эвакуировать всех с причалов, иначе число жертв этой ночью могло возрасти многократно. Вдобавок ко всем трудностям и опасностям, густые клубы морского тумана поползли вглубь побережья – белые, влажные облака, пронесившиеся призрачной дымкой. Они были настолько сырыми и холодными, что не нужно было много воображения, чтобы представить, будто духи погибших в море касаются живых братьев ледяными руками смерти. Многие вздрагивали, когда мимо проносились эти призрачные саваны. Время от времени туман рассеивался, и в отблесках молний, которые сверкали все чаще и ярче, можно было увидеть бушующее мо-

ре. За вспышками следовали такие оглушительные раскаты грома, что казалось, будто все небо над головой содрогается от шагов стихии.

Новые виды, открывавшиеся с обрыва, поражали воображение: бушующее море вздымалось стеной, каждая волна обрушивала тонны пены в воздух, словно ветер пытался унести их в бесконечность. Где-то вдалеке одинокая лодка, с жалкими остатками паруса, отчаянно пыталась укрыться от надвигающегося шторма. Белые силуэты морских птиц, измученных непогодой, то и дело проносились в пелене дождя.

На самой высокой точке Васильевского мыса установили новый прожектор, готовый к первому испытанию. Дежурные офицеры, закончив последние приготовления, включали его на короткие промежутки времени между наплывами тумана, прощупывая светом бушующие волны. Однажды луч прожектора сослужил неоценимую службу: рыбацкая шхуна, почти полностью скрытая под водой, ворвалась в гавань, и только благодаря направляющему свету ей удалось избежать столкновения с волнорезом. Когда последняя лодка достигла безопасной бухты, с берега донесся ликующий крик толпы, который на мгновение прорезал рев шторма, а затем был унесен порывом ветра.

Вскоре луч мощного прожектора осветил вдали быстро приближающуюся яхту под всеми парусами. Похоже, это было то самое судно, которое заметили еще вечером. Ветер к этому моменту сменился на восточный, и среди наблюдав-

ших со смотровой площадки пронесся тревожный шепот, когда они осознали, какая страшная опасность ей грозит. Между яхтой и входом в бухту тянулась коварная гряда подводных камней, о которую разбилось немало судов. При нынешнем ветре войти в гавань казалось невозможным. Был почти пик прилива, но волны были настолько огромными, что обнажали прибрежные отмели. Яхта, летящая на всех парусах, неслась с такой скоростью, что, по словам старого капитана, «ей суждено было где-нибудь причалить, хоть бы и в самом пекле».

Внезапно налетел еще более плотный порыв тумана, чем прежде – густая, влажная пелена, которая, казалось, поглотила все вокруг, оставив людям лишь слух. Рев шторма, раскаты грома и гул мощных валов проносились сквозь влажную мглу еще громче, чем раньше. Лучи прожекторов были направлены на вход в гавань через Восточный мол, где ожидали неминуемого столкновения, и люди затаили дыхание. Ветер резко сменился на северо-восточный, и остатки тумана рассеялись в порыве. И тогда, о чудо, между молами, перепрыгивая с волны на волну, словно одержимая, промчалась странная яхта на всех парусах и достигла безопасной гавани. Луч прожектора последовал за ней, и дрожь пробежала по всем, кто ее видел: к штурвалу был привязан мертвец с поникшей головой, ужасно раскачивающийся взад и вперед при каждом движении судна. Ни одной живой души на палубе не было видно. Великий ужас охватил всех, ко-

гда они осознали, что корабль, словно по волшебству, нашел путь в гавань, управляемый лишь рукой мертвого человека! Все произошло быстрее, чем можно было это описать. Яхта не остановилась, а промчавшись через гавань, выбросилась на песчаную косу, образованную множеством приливов и штормов в юго-восточном углу мола, выступающего под Восточной скалой, известную в народе как «Коса Революции».

Разумеется, когда судно врезалось в песчаную отмель, произошел сильный удар. Все мачты, тросы и ванты натянулись до предела, и часть такелажа обрушилась вниз. Но самое странное произошло в тот самый момент, когда судно коснулось берега: огромный пес выскочил на палубу из трюма, словно выстреленный катапультной, и, бросившись вперед, спрыгнул с носа на песок. Направляясь прямо к крутому обрыву, где кладбище нависает над дорогой к Восточному пирсу настолько опасно, что некоторые надгробные плиты буквально нависают над местом, где осыпался склон, он исчез в темноте, которая, казалось, сгустилась сразу за фокусом прожектора.

Так вышло, что в тот поздний час на причале у Рыбацкой слободы не оказалось ни души. Жители окрестных домов давно уже видели сны, а те, кто обитал на взгорье, не спешили спускаться к воде. Дежурный по порту, что нес вахту на восточной оконечности гавани, первым сорвался с места и примчался к небольшому пирсу, чтобы взойти на борт.

Операторы прожектора, обшарив светом вход в бухту и не обнаружив ничего подозрительного, направили луч на одинокое судно и зафиксировали его там. Портовый дежурный стремглав бросился к корме, и, приблизившись к штурвалу, наклонился, чтобы осмотреть его. Внезапно он отпрянул, словно его ударило током. Это зрелище мгновенно подогрело всеобщее любопытство, и толпа зевак бросилась к причалу. Путь от Западной набережной через Подъемный мост до Рыбацкой слободы неблизкий, но ваш покорный слуга, как человек спортивный, обогнал большинство. Однако, добравшись до места, я обнаружил на пирсе уже внушительную толпу, которую портовая охрана и полиция не пускали на борт. Благодаря любезности старшего боцмана, мне, как представителю прессы, было позволено подняться на палубу. Я оказался в числе немногих, кто увидел мертвого моряка, прикрученного наручниками к штурвалу.

Неудивительно, что пограничники были ошарашены, даже потрясены увиденным – не каждый день такое увидишь. Человек был буквально примотан руками к штурвалу, одна поверх другой. Между ладонями и деревом виднелся нательный крестик, а четки были обмотаны вокруг запястий и штурвала, намертво зафиксированные веревками. Бедняга, видимо, когда-то сидел, но удары и треск парусов передавались через рулевое колесо, дергая его туда-сюда, так что веревки, которыми он был связан, врезались в плоть до костей. Состояние тела было тщательно задокументировано, и суд-

медэксперт – Аркадий Петрович Зубов, из дома 12 по улице Лесной, – прибывший вскоре после меня, после осмотра констатировал, что человек мертв уже около двух суток. В его кармане нашли плотно закрытую бутылку, пустую, за исключением свернутой трубочкой бумаги, оказавшейся дополнением к судовому журналу. Пограничники предположили, что человек сам связал себе руки, затягивая узлы зубами. Тот факт, что сотрудник погранслужбы первым поднялся на борт, может избавить от некоторых сложностей в дальнейшем в арбитражном суде, поскольку пограничники не могут претендовать на спасение, которое является правом первого гражданского лица, ступившего на покинутый корабль. Впрочем, юридические умы уже заспорили, и один молодой стажер-адвокат громко заявил, что права владельца уже полностью утрачены, его собственность удерживается в нарушение закона о выморочном имуществе, поскольку румпель, как символ, если не доказательство, переданного владения, находится в _мертвой руке_. Само собой разумеется, мертвого рулевого с благоговением сняли с места, где он нес свою почетную вахту до самой смерти – стойкость столь же благородная, как у юного Валерки Казакова, – и отправили в морг для проведения следственных действий.

Внезапный шторм уже стихает, его ярость ослабевает; толпы расходятся по домам, и небо начинает алеть над подмосковными холмами. Я пришлю к вашему следующему выпуску более подробную информацию о заброшенном судне,

которое так чудесно прибило к берегу во время шторма.

Химки

9 Августа. Продолжение истории с покинутым судном, выброшенным вчерашним штормом, оказалось еще более странным, чем предполагалось. Выяснилось, что шхуна, действительно русская, из порта Новороссийск, называется «Рассвет». Трюмы почти доверху забиты строительным песком, а поверх него – небольшой груз: несколько больших, обитых железом ящиков, от которых исходит запах сырости. Груз адресован московскому юристу, господину А.П. Соболеву, из офиса 12 в бизнес-центре «Навигатор», который сегодня утром прибыл и формально принял груз. Представитель судовладельца, действуя по доверенности, также оформил документы на судно и оплатил портовые сборы. Сегодня в городе только и разговоров, что об этой странной находке. Сотрудники транспортной инспекции проявили повышенное внимание, следя за соблюдением всех правил. Очевидно, они полны решимости не допустить никаких поводов для жалоб. Особый интерес вызвала крупная овчарка, выскочившая с корабля, когда тот сел на мель. Волонтеры из местного приюта для животных пытались поймать ее, но безуспешно. Собака словно растворилась в городе. Возможно, испугавшись, она убежала в промзону и где-то там прячется. Некоторые опасаются, что она может представлять опасность, поскольку выглядит очень агрессивной. Рано утром большая дворняга, принадлежащая владельцу автосервиса недалеко

от улицы Дорожной, была найдена мертвой у ворот мастерской. Судя по всему, она отчаянно сопротивлялась, но противник был сильнее: горло разорвано, а живот вспорот, словно когтями.

Позже. Благодаря содействию инспектора транспортной инспекции, мне удалось ознакомиться с судовым журналом «Рассвета». Записи велись аккуратно до 21 июля, но не содержали ничего необычного, кроме информации об исчезновении нескольких членов экипажа. Самый большой интерес представляет записка, найденная в бутылке, которую сегодня передали следователю. Более странной истории мне еще не доводилось слышать. Поскольку нет причин что-либо скрывать, мне разрешили сделать выписку, опустив технические детали навигации и записи старшего помощника по грузовой части. Создается впечатление, что капитаном овладела какая-то мания еще до выхода в море, и она усиливалась на протяжении всего плавания. Разумеется, к моим словам следует относиться с осторожностью, поскольку я пишу под диктовку переводчика судовладельца, который любезно переводит мне записи, так как времени очень мало.

СУДОВОЙ ЖУРНАЛ «РАССВЕТА».

Новороссийск – Москва.

Запись от 18 июля. Происходят странные вещи, поэтому я буду вести подробные записи до прибытия в пункт назначения.

6 июля завершили загрузку: антикварные вазы и контей-

неры с черноземом. В полдень снялись с якоря. Ветер с севера, бодрящий. Команда – пять душ: два матроса, повар и я, капитан Соболев.

* * * * *

11 июля на заре вошли в пролив. На борт поднялись турецкие пограничники. "На чай". Все улажено. Продолжили путь в шестнадцать часов.

* * * * *

12 июля миновали Дарданеллы. Еще больше досмотрщиков и сторожевой катер. Снова "на чай". Офицеры работают скрупулезно, но быстро. Спешат, чтобы мы ушли. В сумерках вошли в Эгейское море.

* * * * *

13 июля обогнули мыс Тенарон. Команда чем-то встревожена. Похоже, испуганы, но молчат.

* * * * *

14 июля я слегка обеспокоен состоянием команды. Все проверенные люди, ходили со мной не раз. Старпом не понимает, в чем дело; они лишь твердят ему, что "что-то не так", и крестятся. Старпом сорвался на одного в тот день и толкнул его. Я ждал бурной перебранки, но все стихло.

* * * * *

16 июля старпом доложил утром, что один из матросов, Сидоров, исчез. Не может объяснить, как это произошло. Вчера вечером стоял на вахте по левому борту в полночь; его сменил Козлов, но в каюту не вернулся. Люди еще более

подавлены, чем прежде. Все твердят, что ждали чего-то подобного, но не говорят ничего конкретного, кроме того, что на борту "что-то есть". Старпом теряет терпение; опасается нехорошего впереди.

* * * * *

17 июля, вчера, один из матросов, Никитин, пришел ко мне в каюту и в суеверном ужасе сообщил, что, по его мнению, на борту корабля находится посторонний. Он сказал, что во время своей вахты прятался за рубкой от дождя, когда увидел высокого, худого человека, не похожего ни на кого из команды, который поднялся по трапу, прошел по палубе к носу и исчез. Он осторожно пошел за ним, но, когда добрался до носовой части, никого не обнаружил, а люки были заперты. Он в панике от мистического страха, и я боюсь, что паника может охватить всех. Чтобы ее пресечь, я сегодня тщательно осмотрю весь корабль от носа до кормы.

* * * * *

Позже в тот же день я собрал всю команду и сказал им, что, раз они, очевидно, думают, что на корабле кто-то есть, мы проведем обыск от носа до кормы. Старпом вспыхнул; сказал, что это бред, и что потакание таким глупостям деморализует людей; сказал, что он обязуется избавить их от этих мыслей с помощью кулаков. Я позволил ему встать за штурвал, а остальные начали тщательный обыск, все держались вместе, с фонариками: мы не оставили ни одного неисследованного угла. Поскольку там были только большие дере-

вянные ящики, не было никаких укромных мест, где мог бы спрятаться человек. Люди очень обрадовались, когда обыск закончился, и с облегчением вернулись к работе. Старпом нахмурился, но промолчал.

22 июля. – Последние трое суток шторм не утихает, вся бригада занята починкой обшивки – некогда думать о плохом. Кажется, люди забыли о своих страхах. Замполит снова шутит, и в коллективе установились приятельские отношения. Отметил слаженную работу в экстремальных условиях. Миновали Керченский пролив, вышли в Азовское море. Пока все штатно.

* * * * *

24 июля. – Кажется, над этим судном висит проклятие. Не досчитались одного члена экипажа, а впереди штормовое предупреждение, и все же минувшей ночью еще один человек исчез – как сквозь землю провалился. Как и первый, отстоял свою смену и больше его никто не видел. Поднялась паника; составили коллективное обращение с просьбой установить посменную охрану, так как боятся оставаться в одиночестве. Замполит в ярости. Предчувствую конфликт, кто-то сорвется.

* * * * *

28 июля. – Четыре дня как в аду, болтаемся в штормовом кольце, ветер – настоящий ураган. Никто не спит. Люди на пределе. Едва успеваем назначать дежурных, так как никто не в состоянии нести вахту. Второй механик вызвал-

ся добровольно стоять у штурвала, чтобы дать возможность остальным хоть немного передохнуть. Ветер стихает; море все еще беспокойное, но качка ощущается меньше, судно идет ровнее.

* * * * *

29 июля. – Новая беда. Сегодня ночью была одинарная смена, так как команда вымотана до предела. Когда утренняя смена поднялась на палубу, никого не обнаружила, кроме рулевого. Подняли тревогу, на палубу выскочили все. Тщательно осмотрели все отсеки, но поиски не дали результатов. Теперь мы без второго механика, и в команде царит хаос. Мы с замполитом договорились отныне ходить с оружием и ждать каких-либо признаков происходящего.

* * * * *

30 июля. – Минула еще одна ночь. Радуемся, что приближаемся к Новороссийску. Погода отличная, все паруса подняты. Ушел с дежурства вымотанный; проспал как убитый; разбудил замполит, сообщил, что пропали и дежурный, и рулевой. Только я, замполит и два матроса остались, чтобы управлять судном.

* * * * *

1 августа. – Двое суток туман, и ни зги не видно. Надеюсь, находясь в акватории порта, подать сигнал бедствия или добраться до берега. Не имея возможности управлять парусами, приходится идти по течению. Не решаюсь их опустить, так как не смогу поднять снова. Кажется, нас несет

к неминуемой гибели. Замполит подавлен больше всех. Его сильный характер, кажется, обратился против него самого. Матросы перебороли страх, работают молча и безропотно, смирившись с худшим. Они русские, он – молдаванин.

23 июля, 0:17. Проснулся от тревожного чувства, будто кто-то звал. Звук шел словно из-за борта, но в кромешной тьме ничего не различить. Выскочил на палубу – там дежурный, Игнат. Говорит, слышал что-то похожее на крик, но решил, почудилось. Обход сделали – никого. Еще один исчез. Господи, что тут творится? Игнат предполагает, что мы прошли Керченский пролив, потому что в короткий момент просвета он заметил очертания мыса Тархан, как раз перед тем, как раздался этот жуткий звук. Если это правда, то мы в Азовском море, и только высшие силы могут вывести нас из этого тумана, который словно преследует нас. Но, похоже, они отвернулись.

* * * * *

24 июля. В полночь пришел сменить у штурвала Семена, но его нигде нет. Ветер ровный, курс держит. Бросить штурвал не могу, позвал старпома, Артема. Он вылетел на палубу в спортивных штанах и майке. Взгляд безумный, лицо осунулось. Боюсь, он сходит с ума. Подскочил ко мне и зашептал хрипло, словно боялся, что ветер услышит: «Оно здесь... Я теперь знаю. Вчера ночью, когда я стоял на вахте, я видел Его... Как человека, высокого, худого, и неестественно бледного. Стоял на носу и смотрел в даль. Я подкрался сзади и

ударил его ножом, но нож прошел сквозь него, как сквозь воздух». С этими словами он выхватил свой нож и несколько раз яростно полоснул им воздух. Потом продолжил: «Но Оно здесь, и я найду Его. Оно в трюме, наверное, в одном из контейнеров. Я буду вскрывать их один за другим и смотреть. Ты держи штурвал». И, предостерегающе посмотрев на меня и приложив палец к губам, он спустился вниз. Ветер усиливался, оставить штурвал я не мог. Я видел, как он снова выскочил на палубу с ящиком инструментов и фонарем и полез в трюм через люк. Он безумен, совершенно безумен, и остановить его невозможно. Он не сможет повредить эти контейнеры: в документах указано "керамика", и ворочать их так же безопасно, как и все, что он может сделать. Так что я остаюсь здесь, слежу за штурвалом и пишу эти строки. Могу только молиться и ждать, пока рассеется туман. Тогда, если я не смогу дойти до какого-нибудь порта при таком ветре, я уберу паруса и буду ждать помощи, подавая сигналы...

Вот, кажется, и все. Только я начал надеяться, что у Влада успокоится нервная дрожь – слышал, как он что-то колотит в машинном отделении, работа ему на пользу, отвлекает, – как вдруг из люка вырвался дикий, полный ужаса вопль, от которого у меня все похолодело внутри, и он вылетел на палубу, словно его катапультировало. Глаза безумно вращаются, лицо перекошено гримасой первобытного страха. "Спасите! Помогите!" – орал он, шарахаясь от клубящегося тумана. Ужас сменился отчаянием, и уже ровным, зловещим го-

лосом он произнес: "Бегите отсюда, капитан, пока не поздно. *Оно* там. Я знаю, в чем секрет. Море – моя единственная надежда на спасение от *Него*!" Не успел я и слова вымолвить, как он перемахнул через борт и бросился в пучину.

Похоже, теперь и я знаю этот секрет. Этот безумец избавлялся от людей одного за другим, а теперь и сам последовал за ними. Господи, помоги мне! Как я объясню все эти кошмары, когда доберусь до порта? *Если* я вообще доберусь до порта!

* * * * *

4 августа. – Туман не рассеивается, солнце сквозь него не пробивается. Я знаю, что оно там, за пеленой, потому что я моряк, а иначе как бы я узнал? Не смею спуститься вниз, не могу оставить штурвал; так и простоял всю ночь, и в этом призрачном полумраке я видел *Это* – *Его*! Боже, прости меня, но Влад был прав, когда прыгнул за борт. Лучше умереть мужчиной, моряком, в соленой воде, чем... Но я капитан, и я не должен бросать корабль. Я обману эту тварь, этого дьявола. Я привяжу руки к штурвалу, когда силы начнут покидать меня, и вместе с ними привяжу то, к чему *Он* – *Оно*! – не посмеет прикоснуться; и тогда, будь то попутный ветер или шторм, я спасу свою душу и честь капитана. Я слабею, надвигается ночь. Если *Он* снова посмотрит мне в глаза, у меня может не остаться времени... Если мы разобьемся, может быть, эту бутылку найдут, и те, кто ее найдет, поймут; если нет... ну, тогда все узнают, что я остался верен

долгу. Господи, Пресвятая Богородица и все святые, помогите бедной, заблудшей душе, пытающейся исполнить свой долг...

* * * * *

Разумеется, дело осталось открытым. Никаких доказательств не представлено; и был ли Влад убийцей, теперь никто не узнает. Местные жители почти единогласно считают капитана героем, и ему будут устроены торжественные похороны. Уже решено, что его тело провезут на процессии катеров вверх по Волге, а затем вернут на набережную и поднимут к мемориалу; ибо он будет похоронен на кладбище у стен монастыря. Владельцы более сотни лодок уже заявили о своем желании проводить его в последний путь.

Огромного пса так и не нашли, о чем многие сожалеют, ибо, учитывая нынешнее общественное мнение, он, я полагаю, был бы принят городом как герой. Завтра состоятся похороны; и так закончится еще одна "морская тайна".

Дневник Светланы Морозовой.

Августа восьмого. Люська всю ночь металась, и я тоже глаз не сомкнула. Гроза разразилась нешуточная, завывания ветра в трубах дома пробирали до костей. Каждый особенно сильный порыв казался отдаленным взрывом. Странно, но Люсьена ни разу не проснулась, хотя дважды поднималась и начинала одеваться. К счастью, я просыпалась вовремя и успевала ее раздеть, не разбудив, и уложить обратно. Загадочная штука — лунатизм. Как только ее волю пресекают

каким-либо действием, ее намерение тут же испаряется, и она подчиняется привычному распорядку, словно ничего и не было.

Рано утром мы вместе пошли к порту, посмотреть, что натворила ночная стихия. Людей почти не было. Солнце светило ярко, воздух был свежим и чистым, но огромные, зловещие волны, темные из-за белой пены, словно злобный хулиган, проталкивались в узкий вход в гавань. Почему-то я почувствовала облегчение от мысли, что Игорь этой ночью был не в море, а на берегу. Но где он сейчас, на берегу или в другом месте? Где он и что с ним? Я ужасно за него волнуюсь. Если бы я только знала, что делать, и могла бы хоть как-то ему помочь!

* * * * *

Наступила тишина. Казалось, мир затаил дыхание, прислушиваясь к отголоскам только что произнесенных слов. Они эхом прокатились по комнате, оставив после себя ощущение нерешенного вопроса, повисшего в воздухе тяжелым грузом.

10 августа. Сегодня состоялись очень печальные похороны капитана дальнего плавания, бедняги. Казалось, весь флот встал на рейде, и гроб несли от причала «Северный ветер» до самого кладбища «Сосновый бор» сменяющиеся команды капитанов. Марина пошла со мной, и мы заранее заняли наше любимое место на холме, наблюдая, как процессия катеров поднимается по Москве-реке к Третьему транс-

портному кольцу и возвращается обратно. Отсюда открывался прекрасный вид, и мы видели почти весь путь траурной флотилии. Бедного моряка похоронили совсем рядом с нашей скамейкой, так что в нужный момент мы оказались прямо над могилой и все видели. Марина выглядела очень подавленной. Она была какая-то беспокойная и взвинченная, и я не могу отделаться от мысли, что ее ночные кошмары дают о себе знать. Есть в ее поведении что-то странное: она не признается мне, что ее что-то тревожит, или, если и признается, то сама не понимает, что именно.

Дополнительным поводом для беспокойства стало то, что сегодня утром на нашей скамейке нашли мертвым старикашку Свиридова, со сломанной шеей. Судя по всему, как сказал судмедэксперт, он откинулся на спинку в состоянии сильного испуга, потому что на его лице застыла гримаса ужаса, которая, по словам полицейских, бросала их в дрожь. Бедный, милый старичок! Возможно, он увидел саму Смерть своими угасающими глазами! Марина такая впечатлительная и чуткая, что воспринимает все гораздо острее других.

Только что она очень расстроилась из-за пустяка, на который я бы и внимания не обратила, хотя и сама очень люблю животных. За одним из мужчин, которые часто приходят сюда поглазеть на речные суда, увязался его пес. Собака всегда с ним. Они оба тихие, неразговорчивые, и я ни разу не видела, чтобы мужчина злился, и не слышала, чтобы собака лаяла. Во время отпевания пес не подходил к своему хозяину,

который сидел рядом с нами, а держался в нескольких метрах от него, злобно лая и воя. Хозяин уговаривал его тихо, потом строже, потом сердито; но пес не подходил и не унился. Он был в каком-то исступлении, с безумными глазами, и вся его шерсть стояла дыбом, как хвост у кошки, готовой к драке. В конце концов, мужчина не выдержал, спрыгнул со скамейки, пнул собаку, схватил ее за шкуру и полуволоком, полуброском закинул на надгробную плиту, на которой закреплена скамейка. В тот момент, когда она коснулась камня, бедное животное затихло и задрожало. Она не пыталась убежать, а прижалась к земле, дрожа и съеживаясь, и была в таком жалком состоянии ужаса, что я попыталась, хотя и безуспешно, ее утешить. Марина тоже была полна сочувствия, но она не пыталась прикоснуться к собаке, а смотрела на нее с какой-то мукой. Я очень боюсь, что она слишком ранима, чтобы безболезненно пережить все тяготы этого мира. Уверена, сегодня ночью ей это приснится. Вся эта череда событий – корабль, приведенный в порт мертвецом; его поза, привязанного к штурвалу крестом и четками; трогательные похороны; собака, то в ярости, то в ужасе, – все это станет материалом для ее ночных кошмаров.

Я решила, что ей полезнее всего будет крепко вымотаться физически, поэтому мы совершим длительную прогулку по обрывам до поселка Териберка и обратно. После этого у нее вряд ли останутся силы на ночные блуждания.

ГЛАВА VIII

ДНЕВНИК АННЫ МУРАТОВОЙ

Тот же день, 23:00. – Ох, как я измотана! Если бы не мое обязательство вести этот дневник, я бы сегодня даже не притронулась к нему. У нас была восхитительная прогулка. Спустя какое-то время Лена заметно повеселела, думаю, благодаря милым оленям, которые подошли к нам на поле возле заброшенного геодезического пункта и до смерти нас перепугали. Кажется, мы забыли обо всем, кроме собственного страха, и это словно обнулило все прежнее и дало нам новый импульс. У нас было отличное «строгое чаепитие» в Терриберке, в уютном старомодном кафе с панорамным окном прямо над поросшими водорослями скалами берега Баренцева моря. Думаю, мы бы шокировали современных феминисток своим аппетитом. Мужчины более снисходительны, дай им Бог здоровья! Затем мы пошли домой, часто останавливаясь, чтобы передохнуть, и с сердцами, полными постоянной тревоги перед дикими животными. Лена действительно устала, и мы собирались проскользнуть в постель, как только представится возможность. Однако приехал молодой волонтер из поискового отряда «Лиза Алерт», и мама Лены попросила его остаться на ужин. Мы с Леной обе боролись с сонливостью; я знаю, что с моей стороны это была тяжелая битва, и я вполне героична. Думаю, когда-нибудь руководителям волонтерских организаций нужно будет собраться вместе и подумать о том, чтобы вывести новый тип добровольцев, которые не остаются на ужин, как бы их ни уго-

варивали, и которые будут понимать, когда девушки устали. Лена спит и тихо дышит. У нее больше румянца на щеках, чем обычно, и выглядит она, о, как очаровательно. Если бы Кирилл влюбился в нее, увидев ее только в гостиной, интересно, что бы он сказал, если бы увидел ее сейчас. Некоторые современные писательницы когда-нибудь выдвинут идею о том, что мужчинам и женщинам следует позволять видеть друг друга спящими, прежде чем делать предложение или принимать его. Но я полагаю, что современная женщина в будущем не снизойдет до того, чтобы принимать предложение; она сама будет делать предложение. И какую славную работу она проделает! В этом есть некоторое утешение. Я так счастлива сегодня вечером, потому что дорогая Лена, кажется, чувствует себя лучше. Я действительно верю, что она перешла переломный момент, и что мы справились с ее проблемами со сновидениями. Я была бы вполне счастлива, если бы только знала, как там Антон... Да благословит и сохранит его Бог.

11 августа, 3:17 ночи. Снова этот дурацкий блокнот. Сон как рукой сняло, так что почему бы и не помарать бумагу?

Вся на взводе, заснуть не могу. С нами приключилась такая история, такое... испытание. Провалилась в сон, как только отложила блокнот...

Внезапно проснулась, как будто меня подбросили, села в кровати. Ужасное чувство страха и какой-то... пустоты. В комнате темно, кровати Светы не видно. На цыпочках по-

дошла, ощупала. Пусто. Чиркнула спичкой – точно, нет ее. Дверь закрыта, но не на щеколду, как я оставляла. Боюсь разбудить ее мать, у тети Лены и так здоровье ни к черту в последнее время. Накинула что попало под руку, собралась искать. И тут меня осенило: во что она оделась, то и подскажет, куда ее понесло. Халат – значит, дома где-то бродит. Платье – на улицу собралась. Смотрю – и халат, и платье на месте. «Слава богу, – думаю, – далеко уйти не могла, она же в одной ночнушке». Выскочила в коридор, заглянула в гостиную. Нет ее! Осмотрела все комнаты, куда можно было попасть, страх все крепче сжимает сердце. Наконец, добралась до входной двери. Открыта! Не то чтобы нараспашку, но замок не защелкнулся. У нас в доме всегда на ночь запираются. Я испугалась не на шутку: вдруг Света выскочила на улицу в чем мать родила? Раздумывать некогда, страх затмил все. Схватила большой пуховый платок, выбежала на улицу. Часы пробили час ночи, ни души вокруг. Побежала по набережной, вглядываюсь – нет нигде белой тени, которую ожидала увидеть. На краю обрыва над портом посмотрела в сторону мыса, в надежде... или в ужасе? Сама не знаю. Полная луна, тучи несутся, все вокруг то в свете, то в тени. На миг ничего не видно, тень закрыла церковь и все вокруг. Потом туча ушла, показались очертания старой крепости. И тут я увидела ее, на нашем любимом месте, в лунном свете – белая фигура. Но тут же налетела туча, не успела рассмотреть толком. Показалось, что за спиной у нее кто-то стоит, темный

силуэт склонился над ней. Кто это был, человек или зверь, не знаю. Не стала ждать, пока снова выглянет луна, побежала вниз по ступенькам к порту, потом через рыбный рынок к мосту – единственному пути на мыс. Город вымер, никого вокруг. И хорошо, не нужны мне свидетели Светкиного позора. Время тянется бесконечно, ноги ватные, дыхание сбилось, еле поднимаюсь по бесконечным ступенькам к крепости. Бежала быстро, но такое чувство, что ноги свинцом налиты, каждый сустав заржавел. Вот уже почти наверху, вижу скамейку и белую фигуру. Теперь уже достаточно близко, чтобы различить ее даже в полумраке. Точно, кто-то длинный и черный склонился над ней. В ужасе крикнула: «Света! Света!» Что-то подняло голову, и я увидела белое лицо и красные, горящие глаза. Света не ответила. Я бросилась к входу на территорию крепости. Пока бежала, церковь заслонила скамейку, на миг потеряла ее из виду. Когда снова увидела, туча ушла, лунный свет ударил так ярко, что я увидела Свету, полулежащую, голова откинута на спинку скамейки. Одна, никого рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.